

АНГЕЛ ХОДИТ ГОЛЫМ

Андрей Измайлов

Любимый детектив

Андрей Измайлов

Ангел ходит голым

«ВЕЧЕ»

2018

Измайлов А. Н.

Ангел ходит голым / А. Н. Измайлов — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7617-4

Новый детективный роман известного петербургского писателя Андрея Измайлова – это всегда увлекательно и интересно. Итак. «Страшна сила волн, пожирающего пламени, ужасна нищета. Но страшнее всего женщина!» – так процитировал Еврипида Чезаре Ломброзо. Тот и другой правы. Особенно если женщину зовут Лилит. Не прародительница-демон, а просто так названа при рождении. Знали, не могли догадаться! И ещё страшнее, что она непредсказуема – как... как и футбол. Футбол ведь непредсказуем, верно? Впрочем, лишь до той поры, пока не вмешивается женщина. Ещё и Лилит! Не демон. Ангел. Ещё и ходит голым. И никакой судья этой женщине не судья...

ISBN 978-5-4484-7617-4

© Измайлов А. Н., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Нариманович Измайлов

Ангел ходит голым

© Измайлов А.Н., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Во имя А. М.

*Не для добра, не для добра,
(попробуй с ней не согреши),
не из ребра, не из ребра —
из самой глубины души —
был взят нежнейший матерьял!
Господь не ведал, что творил,
Адам не ведал, что терял.
И вот горит огонь в крови
двух половин: где ты, где я?
Не говорите о любви.
Oui, c'est la vie,
Любовь моя — кусающая хвост змея.*

Валерий Зеленский

*Мы очень долго репетируем,
чтобы потом подняться на сцену
и начать импровизировать.*

Мугамицик

Глава 1

Виталию:
Вылетаю в Италию.
Валюта у Юлия.
Твоя Лилит.

* * *

И медленно выпил.

Коньяк, да, надлежит пить медленно, маленькими поцелуйчиками, поигрывая языком. Он такой, зараза. Капризный.

А вот Макс Багдашов предпочитал... нет, *отдавал предпочтение!* Отдавал предпочтение сакэ. Вечная эта его игра в самурая: сакэ! только сакэ! Ну да, к блюду *takifugu rubripes*¹ и только к *takifugu rubripes*! Доигрался, Макс? Доигрался...

А вот Ермак в игры не играл. Простой, как мычание. Спирт «Royal» – проще некуда и не нужно. Ермак – трезвенник! Акварий Ермаков – убеждённый трезвенник. На то и Акварий. Как мычал, как мычал, когда... Наверное. Может, просто *уснул*. Простой, как... Ермак.

А вот Лёва Воркуль таки ценил коньяк. Даже согнас. На худой конец – brandy. На худой конец – брэнди. На худой конец – коньяк. Шкала: от Hennessy V.S.O.P – по нисходящей. Но не ниже нижнего уровня. Эстет. (И не только насчёт коньяка!). Был ты, Лев, эстетом эстетом и не стало тебя. Отошёл ты, Воркуль с початой фляжкой Hennessy V.S.O.P. Да, *voilà une belle mort*!² Ну, «Война и мир», ну.

А вот Амин, пожалуй, был прав. Дагестанский, только дагестанский! Так говорил Амин Даниялов. Можно верить. Нужно! Попробуй не поверить Даниялову! Лучше не пробуй. Он – чемпион! Чемпион чемпионов! Положим, не по этой части. Но если говорит «дагестанский», то себе дешевле согласиться. Пусть мысленно фрондируя: ну, на безрыбье... Стоп! Ни слова про безрыбье! Памяти Амина Даниялова, чемпиона чемпионов. Прав был. Ключевое – *был*. (О! И примкнувший к нему Багдашов. Насчёт безрыбья. Потом, потом!) Аминь, Амин...

* * *

Да уж, преамбула. Сразу четыре трупа.

Всё же не сразу. Последовательно. В иной, кстати, последовательности.

Но каково?! Сразу четыре. Присоединились к большинству. Идиома (*англ.*). Русский аналог: дали дуба. (Англичане изысканней таки.) Четверо. Во первых строках своего письма. При том, что высший класс – *однотрупный писатель*. Так сказал классик.

Не классик я. И не писатель. Рядовой (поверили?) адепт Ордена. Бывший адепт Ордена (поверили?). Где я и где Орден! Больше скажу! Где мы и где Орден!

Где-где! Только без рифм. Про Орден не скажу, но про нас... А скажу. Как на духу. Искренно. (Поверили?)

Так вот. Внимание! Сейчас скажу! Вот! Куалонкуизмо! Все сразу поняли?

Куалонкуизмо?! Она как! Тады канешн!

¹ Takifugu rubripes (*лат.*) – бурый скалозуб, или бурая собака, – рыба. (*Примеч. ред.*)

² voilà une belle mort! (*фр.*) – Вот прекрасная смерть, – сказал Наполеон, глядя на Болконского. (*Примеч. ред.*)

Слушайте, не валяйте умника. Не стройте из себя. И Гугль вам не в помощь. В запоздалую разве что. Давайте-ка, я – на опережение, чтоб не мучили клавишу:

Куалонкуизмо (итал.). Полное безразличие к общественным процессам, к политике – в результате «переедания». Симптомы: утомлённое лицо, вялые интонации, хмурость, раздражительность, перманентная сонливость. Рус. аналог *куалонкуизмо* – пофигизмо, «всё достало!», но не всеобъемл.

Именно. Не всеобъемл. Потому что Питер.

И? Ведь питерские симптомы характерные! Областная судьба. Где уж нам уж. Это там, в столице, избранные вообразили себя избранными всерьёз. Каста, новые дворяне, потомки. Белая кость, одолённая красным хамом. Такие времена были, что на ура! Зато теперь всё исторически кровосмешилось, и возрожденцы – розовые все! Здоровый цвет лица. Так победим! Впитав лучшее оттуда и отсюда!

Ай, глупо слушать! Они там, в столице, каблуками щёлкают, поминутно крестятся, тайными бирюльками друг дружку награждают, остров Лемнос как символ мученичества. Пусть играют. А наше дело чухонское – сиди, грейся. Ещё б солнышко почаше...

Пётр Алексеич, паразит! Не прошу ему, не прошу! Если такой Великий, почему не Константинополь?! Была же оказия!.. Никогда я не был на Босфоре... (Поверили?)

Ладно, проехали. Настроение. Дрянь. Под стать погоде. О, симптомчик?! Нет, это не от этого. Если честно. (Поверили?)

Всё-всё! Кулон Кузьмы, кулон Кузьмы!

Что? А! То *куалонкуизмо* – в междусобойчике. Чтобы не запинаться. Ку-а-лон-куиз-мо. С ума сойдёшь, язык сломаешь! Вот и: кулон Кузьмы. Пароль. Тост! Причём, кстати, первый. Всё реже собираемся вместе, питерские адепты Ордена. Да и зачем? Скайп, мобила, плюс-что-если-что. Но когда и если собираемся за одним столом (на День Врага Народа – святое!), первый тост: «Ну?! Кулон Кузьмы! – Ото так! Кулон Кузьмы!»

Ура, товарищи!

* * *

Товарищи...

Чингиз Бикмурзин, Хан. Школа «Иточу». Привечаются все – хоть мальцы, хоть пенсы. Главное – здоровье. В аптеке не купишь, в «Иточу» – обретёшь наверняка. Иточу и есть здоровье (*яп.*). У-шу. Окинаван годжю-рю. Айкидо. Муай Тай. Дзю-до (дык!). Самбо (тем более, дык! патриотическое воспитание!). В здоровом теле – могучий дух. И всегда нелишне иметь сотню чёрных поясов – по первому зову. Не повредит. Поможет. Если вдруг. Обращайтесь.

Тарас Заброда. Агентство «Турдом». В любую страну, в любой момент, за любые деньги. Слоган: «Хоть чучелом, хоть тушкой!» Экий остряк. Но не самоучка. Всё по методичке: спротоцированный лёгкий шок с надлежащей улыбкой привлекает, вызывает доверие. Практика – критерий истины. Сколько фирм полопалось за прошлый год (*риторич.*)?! А «Турдом» был и есть. И будет. Если вдруг – в удобную страну, в удобный момент, за удобные... Ай, бросьте! Всего лишь деньги! Обращайтесь.

Костя Шарий. Ритуальный приход «Навсегда». Много вариантов. Мно-го. *Местоблюстители*. От Александрово-Невской лавры до Литераторских мостков. Спецзаказ? Ваганьково? А хоть Пер-Лашез! Да ну?! Ну да! М-м, а в деликатных случаях? М-м, ну, в *деликатных*... М-м? Щас спою! И никто не узнает, где могила твоя! А, в этом смысле? Нет тела – нет дела? Легко! То есть, разумеется, нелегко. Но – любой каприз... И – разумеется. Так что, если вдруг... Обращайтесь.

Макс Багдашов. Сеть «Все флаги». Малые отели – дюжина по городу. Бывшие явочные Ордена. Двушки, однушки. Весёлый посёлок, Пискаревка, Рыбацкое – дешево. Моховая,

Пестеля, Гороховая – имейте совесть, много дороже. Для гурманов же, нуворишей – штаб-квартира. Отель «Все флаги» – на Конюшенной. Нет, не отель. Hotel! All inclusive! Всё включено, всё-всё? Да. Гм! А если вдруг заселится уважаемый имярек, и к нему вдруг – дамочка. Не вопрос! Фото? Видео? Клиент всегда прав. Если вдруг. Обращайтесь!

Во-о-от, значит. Такой *ближний круг*. Нет, нас-то – тьмы, и тьмы, и тьмы. Спец по логистике, спец по таможне, спец по пластике, спец по гастарбайту, спец по бомжикам. *Дальний круг*. У каждого своя поляна. Подснежники. Начеку, если вдруг. И никаких питерских симптомов, характерных. Потому что: ничего личного, только бизнес. Без фанатизма, но и без симптомов. Иначе бизнесу конец. Перекрёстно опыляемся. Работаем! Не спим!

А! Ближний круг, ближний круг! Себя забыл! (Поверили?)

Да нате, нате!

Евлогин. Виталий Евлогин. Можно без отчества. Ну, Аврумыч! И что?! Глава охранной структуры «Цепь». Сорок сороков точек по городу. Попробуйте сразиться с нами! Чувствую себя великолепно! Хотя...

Лиля, Лиля! Что ж ты за... существо такое!

Твоя Лилит. Если бы!

Минутку! Мне – в ванную, буквально на минутку. Сейчас, сейчас!..

Всё, я снова здесь, я собран весь.

И медленно выпил. Не чокаясь. Да, не с кем. Один. У себя. Но – это не от этого. Не чокаясь – в *том самом* смысле.

* * *

Да, увы, все люди смертны. И в такой трактовке нет смысла убивать вообще кого-либо. Но умертвия были, есть и будут. Про совесть или там заповедь см.: *На свете более семи миллиардов людей. Что вы привязались со своим «Четыре трупа в багажнике! Четыре трупа в багажнике!»* Не к данному, конкретному, случаю, но к слову. Хотя трупа как раз четыре. Потому и к слову.

Всё зависит от цены вопроса.

В данном, конкретном, случае цена вопроса – триста миллионов. Уже шестьсот миллионов. Уже девятьсот. И строго по нарастающей. Пусть рублей, но...

Нельзя ли, м-м, прекратить?

Но как?!

Как-нибудь!

Как-нибудь?

Как-нибудь. Но не через пень-колоду. А *как-нибудь* так, чтобы... присоединить к большинству (*англ. идиом.*). Вы же профи! Сами решайте. Важен не процесс, важен результат.

Простите, а кто, м-м, спрашивает?

Не узнали? Богатым будете!

Да вроде и так не побирушничаем.

А всё впереди! Превратное толкование скромного намёка – и придётся.

И это уже приказ. «Кто, м-м, спрашивает?» – от лукавого. Вдруг номером ошиблись? Не ошиблись. *Пенсы* никогда не ошибаются. То есть ошибаются рядом и сплошь. Но только не при вызове того единственно способного ту ошибку исправить. И попробуй не исправить, только попробуй! Н-не пробуй.

(Ах да! *Пенсы* – арг. PEPs – politically exposed persons, публично значимые люди. Га-андоны вы, а не *пенсы*! Без имён! Имена одиозны, оглашению не подлежат!)

Будет вам результат, *пепсы*. Раз уж мы, профи, устно подписались. И в данном, конкретном, случае процесс пошёл. А куда деваться?! Внятные же люди. Теперь логичный результат неотвратим.

М-м, «логичный» – не совсем... совсем не...

Где логика, где?!

Вот тут рифма уместна. *Вылетаю, значит, в Италию? Валюта, значит, у Юлия?*

– Мы не знаем, как это работает, но это работает.

– Тогда узнайте, как это работает, чтобы это работало на нас!

Вроде голливудское? Специально обученные люди пыхтят над диалогами.

* * *

Узнайте! Тоже мне, бином Ньютона!

Просто спросить. Задумчиво. При располагающих обстоятельствах времени, места и (главное!) образа действия. То есть сильно под вечер. Ни в коем случае не у себя, а, например, у неё. Роскошная квартирка «над слоником». Эркер – оранжерея. Орхидеи ещё не зацвели. В креслах, под коньячок (мне), под шампанское с «Раффаэлло».

Просто спросить: слушай, Лиль, а как ты это делаешь? как у тебя получается? И на невинное «что делаю? что получается?» выложить, ни в коем случае не пережимая, дружелюбно: вот смотри сама...

И подробненько ей – с датами, с маршрутами, с деталями, которые она сама «ой, а я и не помню совсем! правда, что ли?».

Сначала – про усопшего мужа, Амина Даниялова.

Потом – про усопшего гатчинского друида Ермакова.

Потом – про усопшего препода Льва Воркуля.

Потом – про усопшего самурая Макса...

Один раз – случайность. Второй раз – совпадение. Третий – закономерность. Четвёртый – система. А пятый...

– Откуда пятый?! Что ещё за пятый?! Не лепи горбатого, начальник! Ой, «Раффаэлло», обожаю! Хочешь тоже штучку?

– Сладкое не люблю.

– Хоть одну возьми. Сам принёс, а сам сидит!

– Одну возьму.

Возвращаемся к теме. Вот о нём, о пятом, Лиль, и пошушукаемся. Если есть желание. Как дружка с дружкой. Посекретничаем. Нет – нет.

– Вербуешь, начальник? Или нанимаешь, Виталь?

– Ну, кто я такой – тебя, Лиль, вербовать?! И тем более нанимать!

– А кто ты такой? Давно вопрос мучает.

– О, мучает?!

– Ну, щекочет. Садо-мазо-лайт. Даже приятно, пикантненько.

– Ли-и-иль!

– Молчу-молчу... Ты куда? Уже уходишь?

– В ванную, буквально на минутку. Сейчас, сейчас!..

Потому что это выше сил!

Кто в курсе, как сбить со следа свору натасканных псов? Рассыпанный табак, перец, спецсмеси. Юнцы! Перечисленное годится, но не стопроцентно. А стопроцентно – подпустить к своре текущую сучку. Я вам – как профи: стопроцентно! (Вот Веник не даст соврать. Хотя и сам себе не признается. Веник? По ассоциации. Навечно. Не стбит внимания, забыли. Да,

но ведь сработало! Всё, ну! Забыли!). Потому что это выше сил! Дядюшка Фрейд, голубчик, отпусти! А хрен тебе, подопытный! Ну, тогда или так... даже отчасти приятно, пикантненько.

– Уф. Возвращаемся к теме.

– На тему?

– Ли-и-иль...

– Нет, правда, на минутку выпала, пока ты в ванной... А ничего шампанское. «Henkel»? Немецкое, а ничего. Главное, брют. Надо взять на вооружение. А то с этим лягушатным «Moet» никаких денег не хватит.

– Проблема, Лиль? С деньгами?

– Полко-о-овник!

– Уж и полковник!

– Пору-у-учик!

– Так-то за что?! Ладно! Майор. Разумно и достаточно.

– А-а, раскололся?!

– Собственно, и не скрывал.

– Собственно, и не раскрывался.

– Собственно, никто и не спрашивал.

– Собственно, вот спрашиваю.

– Майор, майор.

– Да я о другом. С майором-то понятно.

– Неужто? А с чем непонятно?

– Такой... может, интимный вопрос...

– Валяй!

– А что ты, Виталь, делал в ванной?

– Руки мыл. Твоё «Раффаэлло» пачкает, как не знаю что. Руки мыл, руки.

– Чистые руки, горячее сердце...

– Холодная голова. Да-да.

– Смешной.

– Ради вас, несравненная, хоть смешной!

– О-о, сама галантность!

– Вплоть до самоуничтожения! Вплоть!

– В плоть – не дождётесь, хер майор.

– А тогда как?

– А сам! Сам-сам-сам!

– М-м... Шампанска?! Ещё?!

– А варум бы и нихть!

Бль-бль-бль. Ш-ш-ш. Искорки-пузырики.

– Себе, Виталь?

– С вашего соизволения – коньячку.

– Соизволяю!

Соизволяет она!

– Недурственно. Дагестанский?

– А то! Ты же знаешь.

– Муж твой, Лиль, с небес благословляет, а?

– Не надо, Виталь. Не на-до.

Так. Не получилось. Отползаем. Проба-два – подкрасться с другой стороны. Даже не с другой стороны, а типа погулять вышел и ни о чём вообще...

– Шампанское... Правда, понравилось?

– Когда я тебе врал?!

– Я знаю?!

– Знай! Никогда! Никому!

И глаза – честные-честные! Разве эти глаза могут врать?! Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня. Они – как голуби при потоках вод, купающиеся в молоке, сидящие в довольстве...

Стоп! Не из той оперы! Хотя, да-да, как голуби при потоках и далее по тексту. Но сейчас – про другое.

* * *

Ну-ка, навскидку: главное качество для любого адепта Ордена? Качество, без которого просто априори негоден. Ну-ка? Сумму навыков типа спецназ можно даже не озвучивать. Это всё прикладное. Важное, но прикладное. Критерий пригодности, ну-ка?!

Бе, ме! То-то. Юнцы! Критерий пригодности – умение врать. Без даже намёка на угрызения совести, без цирлихов-манирлихов и прочих «морально тяжело». Такая работа, иначе нельзя. У всех и каждого – от рядового адепта до Верховного.

Тупо врать не комильфо – имидж как-никак. Но и замысловатости не в особом фаворе – сам в них запутаешься рано или поздно, ergo с работой не справился. Хотя лёгкое изящество приветствуется. Даже ценится – меж своих. Вот не угодно ли утверждение (произносится убеждённо и убедительно): «Если Верховный говорит, что это враньё, то это враньё!» М? Ещё раз, медленно, для вдумчивых: «Если Верховный говорит, что это враньё, то это враньё!» Толкование по усмотрению.

К слову, потому-то среди адептов Ордена – сплошь мужчины. За редким исключением, очень редким. И роль подобным исключениям отведена... служебная, назовём. Ну, там... *ласточки*, если на профессиональном аргю. Почему? Да потому-то и!

См. критерий пригодности. Или не см., а просто включи голову.

Когда врёт мужчина, то каждую минуту знает, что врёт, помнит, что врёт. Долгосрочно. Месяцами, годами, десятилетиями. Задача – переиграть. Сверхзадача – всех переиграть. Двойная жизнь без каких-то метафор. Постоянный самоконтроль: не перепутать, ничего не перепутать – что, где, когда в *той* жизни... или уже в *этой*? Без разницы. И там, и там – врать, нельзя не врать. Адепт Ордена – обязывает. Сложно, трудно, изнуряюще. Э-э, когнитивный диссонанс. Потому и живут меньше. А кто сказал, что будет легко?! Зато – адепт! Не каждому дано, только избранным. Именно потому, что сложно, трудно, изнуряюще. (Поверили?)

Когда же врёт женщина, то врёт краткосрочно. И сразу (не сразу, но уже завтра) верит себе, что говорит чистую правду. Месяцами, годами, десятилетиями. Задача переиграть не ставится. Живёт она так. Она *так* живёт. По правде. А сила в чём? Во-о-от... Откуда и пошла древняя легенда о загадочной женской логике. Никакой загадки. Просто верят они во всё то, что врут. И значит? И значит, для Ордена женщина промыслового значения не имеет. Зашлёшь такую (да любую!) к потенциальному противнику с целью охмурить, влюбить и влюбиться, выведать сокровенное, доложиться *нашим*. Всё сделает. По правде. Которая враньё. В которое сама и верит теперь. И *наши* для неё уже – империя зла, фигурки *им*, а не «доложиться». И здешним СМИ развонит про бывших *наших*: коварные! заслали! врут! А вот её бойфренд, тот самый носитель секретов. Они любят друг друга! Помолвка, ура! Шампанского!

* * *

Ах, да! Шампанского. Немецкого. Понравилось.

– Где брал, Виталь? Я так просто, себе на будущее.

– Лиль! Завтра моргну своим «цепным» – ящик приволокут.

– Или так. Варум бы и нихът.
– Или, хочешь, не «Henkel», а «Вдову Клико»?
– Н-нет. Слово «вдова» не нравится.
– Что так?
– Виталь! Я же сказала: не на-до.
– Ради бога, ради бога!
– И потом. Брэнд брэндом, но мне нравится то, что мне нравится. Независимо от брэнда.
«Henkel» – понравилось.
– Ящик! Завтра же!
– Ка-акой ты добрый, Виталь!
О, я – добрый. Могло случиться и с точностью до наоборот. Я – злой, Макс – добрый.
Всего лишь распределение ролей.

* * *

– Чур, я добрый!
– Старина, добрый – я, ты – злой.
– Да почему ж я злой?!
– По жизни.
– Это я-то по жизни злой? Когда?
– Тебе Йемен припомнить? Карабах?
– Запрещённый приём, старина.
– И кто сказал, что запрещённые приёмы запрещены?
– Тоже верно.
– Так что? Не, прикинь, старина, у злого ведь даже больше шансов.
– Не, старина, так-то оно так, но насильничать каждый может (ну, не каждый!). Вот по обоюдному согласию – поди добейся!
– Да я и злой добыюсь! Делов-то!
– Тогда о чём спорим?
– Мы спорим?
– Какие у нас могут быть споры!
– Тогда... Тогда что?
– А давай просто кинем на спичках. Длинная-короткая.
– А... давай! В конце концов!
И вот я – добрый. Кинули на спичках. Ключевое – кинули.
Ничего личного. Далее – строго по методичке. Я – добрый. Макс – злой. Работаем!

* * *

Однако работать надо на перспективу. Мы же не менты какие-нибудь. Им-то что! Раскрутил фигуранта на чистуху, потом следствие, улики, потом суд. Палку срубил. С глаз долой – из сердца вон.

Только в случае с фигурантом Данияловой – полный облом у вас, менты. Во всех случаях. Как фигурант она, да, проходила, но и только. Проходила и прошла – мимо. Следствие. Улики. А она-то, с какого перепугу она вдруг фигурант? Ей сейчас и так непросто, горе-горе, и вдобавок – вы! Фигурант, выдумали!

Да уж, выдумали! Фигурант – вообще ментовское словцо. У нас – объект. Фигурант – здесь и сейчас. Объект – на перспективу.

Объект Лилит взят в разработку, ещё когда Лев Воркуль. Нет-нет, ещё он здоровствовал, и весьма насыщенно. И объект Лилит вёлся ни шатко ни валко, в полуспящем режиме. А после неожиданного-негаданного успения Лёвушки – проснулся уже интерес. Живой такой, весёлый.

К ментам за информацией – не по чину. Менты, может, чем-могут-помогут, но осадочек останется. Ну, не по чину! И потом, нужен официальный запрос от одного руководства другому руководству. И, если честно, какое к тому времени руководство! Девяносто третий. Или девяносто четвёртый? Нет, девяносто третий. Куалонкуизмо форевер! Кулон Кузмы в натуральную величину! Наш *ближний круг* выведен за штат, *дальний круг* – соответственно. Потому с ментами общение лишь по старым связям, неформально, вась-вась.

* * *

– О-о, сколько лет, сколько зим! Как насчёт пивасика, Вась-вась?

– Никогда! Никогда... не откажусь!

– Давай тогда, что ли, на Конюшенной пересечёмся. Там отельчик такой «Все флаги». При нём такой кабачок типа японский. Пивасик бочковой и любой – всегда. Креветки в кляре с васаби – р-рекомендую! Чего замялся?

Конюшенная, «Все флаги», японский. Заманчиво, заманчиво.

– Понимаешь, у меня с бабосиками полная жопа. То есть пустая.

– Дом-два вопрос! Банкую! Столько лет, столько зим!

– Ну, тогда за встречу!

– За неё!.. А помнишь, Вась-вась, такая у вас в ментовке была забавная херня? Девяносто третий? Вы там все матерились весь год, как дети малые!

– А-а! Девяносто четвёртый. Июнь. Во падла!

– Почему ж падла? Красивая женщина!

– Красивая, падла! Устроить бы ей тогда субботник! Всем отделом! По-другому б запела!

– А так что пела?

– Да ну! Мы с ней и так и сяк! Не колетса, ведьма! И внагльак: «Ведьма я. Записывай, старлей. Ведьма. Подпишу. Мною прочитано и с моих слов записано верно». Надо, надо было ей тогда субботник! Красивая, падла! Хоть оттянулись бы!

– Напоследок, угу! Потом по одному – в ямку, всем отделом. Через промежутки времени.

– Ай, перестань! Что мы, дети малые?!

– Большие, большие! – И вдруг, закинув руки за голову, мечтательно: – До чего же мне хочется побывать сейчас на партийном собрании, на самом обыкновенном собрании, где обсуждаются самые обыкновенные вопросы.

Даже старый волчара Вась-вась на секундочку, но собьётся после такого пассажа. Что за чушь собачья!

В принципе она и есть – чушь собачья. Точная цитата. «Медная пуговица». Лев Овалов. Майор Пронин и всё такое.

А вообще-то давняя и простенькая *мулька* от Макса. (*Мулька* – так нынче говорят?) Вдруг вставить в устную речь цитатку-другую из книжного источника – без интонирования кавычек.

Сразу двух зайцев, а то и трёх, а то и четырёх:

Опознавание собеседника по вербальной/невербальной реакции: «свой – чужой».

Резкий увод собеседника от темы. После внезапной оторопи «а при чём тут?!» – закономерная амнезия «так про что мы?»

Уничтожение собеседника. Под занавес озвучка (в случае надобности): это же Салтыков-Щедрин (Сомерсет Моэм, Стругацкие, да хоть Овалов), не узнали? У-у, как всё запущено!

Гимнастика ума. Блюдение церебральной формы, тренинг. Макс не такой уж книгочей, чтобы любой абзац из любой книги – в подходящий момент. Но дюжина-другая цитат – всегда при нём. Дюжина-другая – на все случаи жизни достаточно. Что удручает отчасти, но зато упрощает.

Так про что мы? (Во-от! См. «закономерная амнезия».)

Про креветок. По пивасику ещё?

– У меня вообще-то почки... А-а, живём одна!

(Прим. Креветки в кляре с васаби в японских заведениях – нонсенс. Скорее для эклектической Средиземноморщины. Но хозяин – барин. А Вась-вась пристрастен к тем креветкам в кляре с незапамятной поры. Вкусил когда-то и пропал: а-а, живём одна!)

* * *

Что есть, то есть. Живём одна. Кое-кто и не живёт уже. Ведь не только по ментовским крупичкам, иных-других каналов информации – успевай собирать малину с куста. Досье! Хотя дело чисто ментовское. Было. До той поры, пока фигурант не стал объектом. А с внезапным успением адепта Ордена Макса Багдашова – уже дело чести.

Для нас честь – нравственный вектор и ориентир. Всё потеряно кроме чести! (Поверили? А зря! Не всё потеряно!)

И спроси её... Нет, не в ментовской жёсткой манере – с предъявлением косвенных улик, сверлящим взглядом, настольной лампой на скотче, пыльной водой в графине. Тем более с ней всё это уже было и былём поросло. Спроси её в присущей нам мягкой манере: слушай, Лиль, а как ты это делаешь? как у тебя получается?

Ответ предскажем: «Я же ведьма!»

Теперь у них, у женщин, высшая доблесть – припудриться ведьмой. Сами придумают, сами изобразят, сами поверят. Не дуры от природы подбавляют нотку лёгкой самоиронии вместе с загадочностью. Не веришь? И дурак! Веришь? И дурак! А она вся такая странная-оригинальная. Промыслового значения не имеет.

Лилька от природы отнюдь не дура. Настолько умна, что иной раз играет дуру просто виртуозно.

* * *

– Я же ведьма, Виталь! Разве не знал? Не знаешь?

– Знаю, знаю.

– Или не веришь?

– Верю, верю.

– А всем, кто пожелает ведьме зла, оно возвращается сторицей. Я не насылаю, нет. Как я могу! Автоматически происходит, очень быстро. Палец о палец не ударю.

– Всем-всем возвращается?

– Я же не изверг, Виталь! Тогда бы горы трупов, горы трупов! Не всем-всем. Только близким. *Бывшим* близким. Понимаешь? Ты ведь понима-аешь.

Понима-аю.

– А объясни мне, Лиль... – Естественней. Дружелюбней. Задумшевей, но и равнодушной. Коротаем вечерок за беседой. – Макс-то чем тебе не угодил?

– Макс?

– Багдашов.

– Ах, этот!

Нэнси Синатра. Bang-bang. Песня. Как женщины убивают. Как они перестают любить. Как они уходят. Просто надо смотреть клип-ретро. Слышать, как она там произносит bang-bang. И всё станет понятно. Гм. Так вот, Нэнси Синатра – никто, а её bang-bang – ничто. По сравнению с Лилит Данияловой и с её «ах, этот!»

Поверьте на слово. (Поверили?)

– Ты же ему... благоволила.

– Да? Очень может быть. Я многим... благоволила. Ты же в курсе, Виталь. И что этот Макс?

– Умер.

– Я в курсе.

– Ты была при этом.

– Была, да.

– И?

– Что – и?

– *И всем, кто пожелает ведьме зла, оно возвращается сторицей.*

– Виталь? Ви-та-лик? Ты всерьёз? Или сейчас валяешь дурака?

– Сейчас всерьёз валяю дурака.

– И дурак! Смешной... А что касается Макса... Нет, всё с ним было замечательно. Пикантненько. Только, знаешь, стал он меня угнетать в последнее время. Если б ты только видел, как!

– В *его* последнее время.

– Опять ты!.. Прекрати всякую чушь!

Всякая чушь. Стал угнетать. Если б только видел...

* * *

Видел. Видел, как.

Hotel «Все флаги». На Конюшенной. All inclusive. Охрану обеспечивает ЧОП «Цепь». (Перекрёстное опыление!) Хозяин – барин. Барин – Макс Багдашов.

Нынче барин с дамой. О-о, какая дама, какая дама! Донна!

Мои «цепные» сразу с поста доложились.

Ужин? Ужин, ужин.

Данке щён, всё было чудесно.

То ли ещё будет. Работаем до последнего клиента. Господа, развлекайтесь! Хозяин-барин вас покидает. Обещал донне показать свои новые ируканские ковры.

Очаровательница! Прелестница! Право, у него губа не дура!

– Прошу вас, донна! Ступеньки...

– Ковры? Будь проще, Максик. В нумера, верно поняла?

– Во-первых: Макс. Во-вторых: не нумера – номер, номер-люкс. В-третьих: возражения?

– Не вижу, почему бы не посмотреть на ируканские ковры благородной донне. В номере-люкс. Если там всё будет столь же чудесно, сколь ужин...

Будет, обязательно будет!

И стало так.

Мои «цепные» доложились. На словах.

Имеющий уши слышит. Полбеда.

А глаза? Имеющий глаза видит. Беда-а, просто беда!

* * *

- Глянь, старина, глянь! Классное видео, м? Не на мою задницу смотри (само совершенство, сам знаю). Ты глянь, как Лилька исполняет! Прямо на ируканских коврах!
- Гх-хм. Гр-р-рхм. М-макс, зачем?
- Старина-а! Не истолкуй превратно! Исключительно на память! Долгими холодными вечерами одинокий дедушка Багдашов, бывало, включит... Ах, есть что вспомнить!
- Гх-хр-х. А она знает?
- Догадывается. Не девочка, не вчера родилась.
- Шантаж?
- Не наш ме-етод, старина! Ещё прокурора, похожего на человека, вспомни! Фу, старина! Говорю же, просто на память! И разве *этим* её расшантажируешь?!
- А мне – зачем?
- Разве не понравилось? Может быть, тазик?
- Какой тазик?
- Ну, или в ванную.
- Спасибо, нет.
- Так чего? Не понравилось?
- Ничего так...
- Во-от! Копию тебе сделать?
- Зачем?
- Дык одно дело делаем. Дык?
- В принципе да.
- Ух, как сказал, старина! В принципе! В Гавриле! Служил Гаврила охрандосом, Гаврила принцип охранял!
- Слышь? Ваши ковры прекрасны. Но мне пора.

* * *

- Или зря тогда от копии отказался?
Хотя...
- Именно, что хотя. Отвечая на вопрос «что делал?».
- Стал угнетать. М-да. Гнёт – *тело*, давящее сверху. Там, на видео, и другие позиции... Камасутра.
- Нет, зря отказался. От хотя бы копии. Хотя...
- Опять превратно меня понял, Виталь. Угнетение... Смотри! Например, мне говорят: «Мы голодны!» И я пойду и сделаю бутерброды. Но если мне говорят: «Пойди и сделай бутерброды!», я не пойду и не сделаю... Ой! Бутерброды тебе сделать? Ветчина, рокфор, майкопская, ещё какая-то хрень в холодильнике. Йогурт. А то хлещешь коньяк на пустой желудок.
 - Благодарствую. Разве какой-нибудь рыбки...
 - Вот рыбки нет. Рыбки – нет. И прекрати!
 - Всё-всё. Даже не начинал.
 - И не начинай.
 - И мысли не было! Мы *не* голодны. Хотя... Пойди и сделай бутерброды!
 - Не дразнись!
 - Не буду.
 - Так сделать? Или нет?
 - Нет... Значит, стал тебя Макс угнетать. В последнее время.

– Просто он злой. Вот ты – добрый. А он – злой.

– А я – добрый?

– Добрый.

– Но сложишь всё наоборот, ты бы сейчас вечеряла с Максом, а я...

– Ты? Был бы спроважен. В последний путь. И я бы пробросила мельком: «Ах, этот!». Я же ведьма!.. Тьфу на тебя, Виталь! Умеешь ты!..

А ты-то как умеешь, Лиль! Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня...

– Ой! Мобилка! Мобилка! Где она мурчит? Где-где?! Что-то не сориентироваться! Я такая бестолковая! Засунула... Ну, где же, где?!

Где-где!

– В спальне.

– Ой, точно! Я же прилегла, пока ты не появился! Бегу-бегу-бегу!

Она – *прилегла*. Она – *бегу-бегу-бегу*!

Просто невозможно! Потому что это выше сил! Хоть опять в ванную! На минуточку! Руки помыть, руки! «Раффаэлло» клятое...

– Юлик!!! Ю-у-у-улик!!! Прилетел?! Сели?! А я жду, жду! Конечно! Ко мне! Жду-жду-жду! Я соскучилась!

Голос твой сладок, песня голубицы в ущелье скалы под кровом утёса!

* * *

Юлик.

Пока всё идёт, как идёт. Как должно. *Как должно!*

Истинно, истинно говорю вам, не претендуя на копирайт: если вами никто не манипулирует, вы в руках профессионалов.

Адепты Ордена, нашего Ордена, профи. Даже выведенные за штат. Бывших, известно, не бывает.

Юлий Берш. 27 лет. Голкипер сборной. Прибыл рейсом из Дубая. Вместе с командой. После сборов. Три товарищеских матча с местными раскоряками. 11:0, 1:0, 0:0. Тренер Флавио Пикколо выразил сдержанное удовлетворение состоянием основного состава.

Валюта у Юлия.

Твоя Лилит.

Нам всё известно, всё!

* * *

В этой стране стало страшно жить. Недавно случайно нашла в Интернете базу данных поиска людей <http://syim.com/baza>. И главное, сделали вроде как для поиска утерянных родственников. Но здесь вся информация о каждом из нас: переписки с друзьями, адреса, телефоны, место работы, и, что самое страшное, есть даже мои обнажённые фото (правда, не знаю откуда). В общем, испугалась очень. Но есть такая функция, как «скрыть данные». Воспользовалась и всем советую не медлить. Мало ли, что эти придурки могут сделать дальше!

Написал sd354wetsdg – 23: 16: 17

* * *

– Не сплю! С кем я могу спать, если тебя нет?! Да... Да... Поторопись! Пикколо? А, ваш Бармалей? Посылай ты его паш! Всю ответственность беру на себя. Кто твой агент?! Всякий

старый хрыч будет диктовать! Посылай, посылай! Если что – ко мне!.. Всё! Даже слышать не хочу. Жду!.. Да не сплю, не сплю. Мы тут с подружкой... Ты её не знаешь... Она как раз уходит, ей на дежурство... Дьютик? Ничего не надо, у меня всё есть! Ну, или шампанского. «Henkel». Немецкое такое. Если нет, тогда нет. Приезжай уже! Да, «над слоником». Умничка, помнишь! Кнопочку «В» – консьерж откроет. Такой... солидный. Предупрежу... дю... Всё! Время пошло! Начинаю изнывать. У меня тут и орхидеи уже зацвели. Сам увидишь.

Лилька, цены б тебе не было, подрядись ради приработка в «секс по телефону»! Голос... песня голубицы в ущелье скалы под кровом утёса. Нет, поближе к нашим дням. Вот... хакамадогилевский обертон. Понимающие поймут. Секс по телефону... Да и не по телефону тоже.

И она повесила трубку, как писали в старинных рыцарских романах...

Да, почему же, Лиль, почтенный дон Флавио Пикколо – так-таки Бармалей?

А кто, если не Бармалей?! *Я бесподобный, я очень злобный! Я всех на свете страшней и злей!*

А, в этом смысле. Тогда – Бармалей, Бармалей. Такое апмлуа. Ну а я – подружка. (Нет, Юлий Берш её не знает.) Такое амплуа. Секс исключён. Даже по телефону. Что уж говорить про натюрель!

Вы, конечно, очень милы, но будете просто очаровательны, если уйдёте.

No problem, миледи! Всего лишь наша работа! Сеанс окончен. Подружка уходит, её уже нет. Подружке – на дежурство, этажом ниже, в свою будочку. Ухожу, ухожу, ухожу. Повечеряли – и будет. Консьерж! Такой... солидный. ЧОП «Цепь». День и ночь, сутки прочь. Не смыкая. Регистратор фиксирует. Предупреждён: где-то через полчаса появится такой высокий... в общем, мужчина... это ко мне... впустите?

No problem, миледи! Ради нашей дружбы...

С женщинами так хорошо дружить. Ужасно хорошо. Прежде всего нужно быть влюблённым в женщину, чтобы иметь надежную основу для дружбы. Я пользовался её дружбой. Я не думал о том, что ей достаётся. Я получал что-то, ничего не давая взамен. Это только отсрочило предъявление счёта. Счёт всегда приходит. На это по крайней мере можно твёрдо надеяться.

Я думал, что за всё заплатил. Не так, как женщины – платят, и платят, и платят. Не какое-то там воздаяние или кара. Просто обмен ценностями. Что-то уступаешь, а взамен получаешь что-то другое. Или работаешь ради чего-нибудь. Так или иначе, за всё, хоть отчасти хорошее, платишь. Много из того, за что я платил, нравилось мне, и я хорошо проводил время. Платишь либо знанием, либо опытом, либо риском, либо деньгами. Пользоваться жизнью – не что иное, как умение получать нечто равноценное истраченным деньгам и сознавать это. А получать полной ценой за свои деньги можно. Наш мир – солидная фирма. Кулон Кузьмы, друзья мои (подруги тож), Кулон Кузьмы.

Папа-Хэм похлопывает по плечу. Интимно эдак: по одной версии тебя содержат женщины, по другой – ты не мужчина. Нет, сказал я, просто несчастный случай. И вообще! Это не от этого! Ирония и Жалость. Когда ты узнаёшь... О, дай им Иронию и дай им Жалость. О, дай нам Иронию. Когда ты узнаёшь... Немного иронии. Немножечко жалости...

Ах, да! Папа-Хэм давно застрелился. Сам. И никакая ведьма палец о палец...

А я – подружка. Подруга. Подруга редкостная! Потому не удержался:

– Ты это... насчёт алкоголя из *duty free* всё-таки поостереглась бы. Прен-цен-ден-ты, знаете ли...

– Прекрати!!!

А что такого? Просто доброжелательный совет от подруги редкостной, знаешь ли.

Знает. Она знает. И я знаю. Мы оба знаем. И ещё очень узкий круг ограниченных людей с неограниченными полномочиями. Никому ни слова, никому. Но между собой-то иногда почему не пошутить!

Патамушта!

Глава 2

Кулинария. 1959. Госторгиздат:

...Нормальная и полезная еда есть еда с аппетитом, еда с испытываемым наслаждением.

Акад. И.П. Павлов.

...

333. Осетрина паровая.

Подготовленную рыбу нарезать на порционные куски, ошпарить, промыть в холодной воде. Положить в сотейник, залить небольшим количеством бульона или воды так, чтобы получить крепкий бульон для соуса, посолить, добавить белое вино и припустить на пару. В бульон добавить белый соус (953) и уварить до густоты сметаны. Заправить по вкусу солью, красным перцем и маслом, после чего процедить. Перед подачей припущенную рыбу положить на блюдо или тарелку, уложить на рыбу варёные свежие белые грибы, крабы или раковые шейки и полить соусом. Поверх соуса положить ломтики лимона, посыпать мелко нарезанной зеленью петрушки или укропом.

Вкусно.

Не то слово! Пища богов!

В таком случае любой махачкалинец – бог. Ну, полубог.

Понятно, в магазинах той осетрины днём с огнём не сыскать. Но в каждом доме – она, первой свежести.

Откуда? Риторический вопрос, он же дурацкий. Вот же Каспий, а в нём этого добра плавают... Пожалуйста на базар. Там тоже на прилавках как бы нету. Но если подойти и спросить... В пределах разумного – дешево. Икорка чёрная тоже. Ну, дороже. Так ведь икорка!

Избалованы прикаспийцы, избалованы. Нет рыбы, кроме рыбы. Ещё минтая помяните! Треску трескайте! Нет иной рыбы, кроме осетрины. Нет и не надо. Ну, ещё каспийский залом – для пресыщенных, изредка желающих разнообразия.

Паровая, да... Но самое то, верх блаженства – севрюжий шашлык. В Набрани.

Такой рай – Набрань. Всего-то в считанных километрах от дагестанской границы на территории Азербайджана. (Кто б тогда помыслил о границах-территориях!) Набрань. Лиственные чащи. Грецкий орешник, дубы, лианы. Ледяные родники, целебные источники, парное море, сахарный прибрежный песок. Цикады неумолчные ни днём ни ночью. Привыкаешь. И без этой постоянной музыки сфер по возвращении домой, в Махачкалу, как-то н-не так, чего-то не хватает... Из дикой живности – никакой кусачей сволочи, только безобидные полчки. Ну, полчки. Сони. Куцехвостые серые, вроде белочек. Едят с рук, без боязни, прогрызают палаточный брезент ради допайка. Не раздражают, умиляют. Полный симбиоз. Рай.

И – шашлык! Севрюжий. Шашлык – дело мужское. Тогдашний Амин семнадцати лет – мужчина, да. Ещё девственник, но уже всё-таки мужчина. Чемпион чемпионов! (Да! И она тоже, конечно, девственница – пятнадцати лет.) Хотя всё могло случиться уже там, в Набрани. Рай! Где ж ещё! Но – что потом люди скажут? Восток – дело тонкое. Воспитание. Да и присмотр сверху. То есть папа сам с ними тогда не поехал. Дела, дела. И – зачем? Путёвку в международный лагерь «Спутник» – да, с лёгким сердцем, вас отвезут. Домик на двоих. Две койки. Он, она. Больше никого в ночи. Цикады. И ни-ни поползновений. Томление духа и тела. Гормоны. Однако – ни-ни! Иначе: как же мы с тобой жить будем – если знать будем, что ещё до свадьбы мы с тобой... пусть и в раю. Восток, герете, дело тонкое.

И всё мужское дело – ах, горячий кавказский мужчина! – шашлык.

– Ты ещё и готовишь?! И та-ак?!

– Это что! Ещё моё курзэ не пробовала!

– Хочу-хочу!

– Вернёмся домой – сделаю.

В общем, идиллия с тв-маркировкой 12+.

Справка. Курзэ. Напичканные зеленью и мясом как бы пельмени. Отвариваются, потом обжариваются. А запах! Лучше всех готовят лакцы. Даром, что Амин Даниялов кумык. Впрочем, все дагестанцы настолько перемешаны...

Справка-2. Памятный севрюжий шашлык был недосолен-недоперчен-пережарен. (Что свежий, то свежий. У браконьеров брал, сразу из сети!) Право, пустяки – ведь в раю!

По возвращении и при встрече папа насторожился было (уж больно оба счастливые какие-то!) и в глаза посмотрел со значением.

Мужчина Амин взгляд выдержал: как можно?!

Смотри у меня, мальчик! Если...

Не мальчик, э! Я не посмотрю, что ты папа! Свою дочку обидеть хочешь?! И – меня?!

Ладно, верю. Остывай, чемпион. Поговорим ещё. Потом. Если захочешь. По-семейному.

Да хоть сейчас!

Потом, сказал.

* * *

Потом (не в смысле *потом*, а тем же вечером) чемпион чемпионов Амин сдержанно отбавлялся в тусовке...

Уже бытовало тогда понятие – тусовка? Бытовало, бытовало. На Пушкина, 16. Ну, Пушкина, 16, ну! Средоточие подрастающего поколения. Всего лишь внутренний двор, куда стасованы скамейки с приморского бульвара, с Родопского – ныне: имени Гамзата Садасы. Такой поэт – Садаса, аварец...

Словом, сидим-посиживаем, обмениваемся новостями, в нарды поигрываем, о борьбе, само собой, нескончаемо говорим, о спортивной – классической, вольной, самбо, дзю-до. Препровождаем время. Тусовка и есть. Чинно. В отличие от, например, тусовки у гостиницы «Ленинград». Там – неприлично. Сутенёры, проститутки. Проходишь мимо гостиницы – их никогда и никого не видеть. Но что там они есть, все знают. Махачкала – город маленький.

– И чего, Амин?

– Ничего. Он на меня так посмотрел, а я на него так посмотрел... Мы друг друга поняли.

– Слушай, молодец! Знаешь, кто её папа?

– Камал! Меня спрашиваешь?!

– Нет, так вообще...

Кто её папа. Риторич. Кто не знает?! Её папа, так вообще, второй человек в Махачкале. Первый, по определению, кадр местный – даргинец, аварец, лезгин, лак, кумык, тат... Но второй – русский, присланный. Москва! Заведено, и да будет ныне и присно.

– Слушай, но ты её там, в Набрани, хоть...

– Что?! Что, Камал?!

– Просто спросил! Спросил просто!

– Сейчас глаз на жопу натяну, телевизор сделаю! Спросил он!

Как молоды мы были. И чушь прекрасную несли. Romantic...

– О! Идёт, идёт! Тихо!.. Лиль, привет!

– Привет.

– А ты... куда?

– Просто гуляю. Сама по себе.

– С тобой можно?

– Мне решать?

– Камал, доиграй за меня... Рамазан, если он проиграет, с меня потом спросишь.

– Ладно.

Спросишь с него, как же!

И? Куда пойдём?

Хоть куда! Гуляем. Хоть через центр, на пересечении Кротова и Ермошкина, вниз – к морю, к бульвару. Потом можно в бар «Волна», припортовый. Такие коктейли! Безалкогольные, конечно! Не бойся, я с тобой! Что да, то да. Защищённость. И не потому, что чемпион чемпионов. Не потому, что играя мышцами, остерегая всех взглядом. Просто идёт рядом. И – такая защищённость, такая...

О, море, море!

– Твой отец хочет со мной поговорить.

– Знаю. Со мной уже говорил.

– А ты?

– Мужчинам решать.

– Но ты? Сама? Ты... как?

– Такой смешной!

– А что мама говорит?

– Мама? Ничего не говорит. Говорит: главное, чтобы тебе, дочка, было хорошо.

– А тебе хорошо?

– Пока – да.

– Пока?

– Аминчик! Ты, в самом деле, смешной! Откуда я знаю, что потом! Но пока – да.

– И потом – тоже! Я сказал!

– Посмотрим.

Женщина как загадка. Загадка как женщина. В чём и манкость.

Хотя... Где женщина, где?! Пятнадцать лет всего! Шестнадцать. Как раз в июле исполнилось. Как раз июль.

Мама ничего не говорит. Литературу преподаёт – в элитной тринадцатой школе, с углублённым английским. Там, на уроках, она, Тофа Авшаломовна, говорит – заслушаешься. Тому же великовозрастному Амину Даниялову – мимо ушей. Троечник. Зато чемпион чемпионов. Каждому – своё.

Вот для Лилит литература – своё. Так получилось. Домашний ребёнок. А в доме – стеллаж классики. Плюс полстеллажа там самиздата. Даром ли папа – второй (читай: первый!) в республике. Изъятые и «приватизированные». Читай – не хочу! А хочу! Та же «Лолита» – в десять лет. Не всё понятно, всё непонятно, понятно не всё. Ты знаешь, всё ещё будет!

И стало так. По прошествии. Детство-отрочество – кому оно интересно, кроме фанатов глыбы-человечища?! (Кстати, не осилила глыбу. Вернее, не заценила. Плохо написано, коряво, и враньё! Не так всё было!)

В общем, умненькая, пучеглазая девочка-девочка. Начитанная не по годам. Своеобразно мила, но и только. У полукровок такое водится. Папа – назначенный русский, мама – доморощенная татка, горская еврейка. Школьный класс – национал-мешанина. И по возрасту. Тот же молодой-да-ранний чемпион чемпионов Амин Даниялов. Разница с девочкой-девочкой в два года. Он – с восьми лет в первый класс (декабрьский, Стрелец). А она – с шести. Таты эти, евреи горские, все такие умные-умные, как и все евреи! В их школе среди татов сплошь дети врачей, юристов, учителей...

И никаких чтобы!.. Просто учиться, учиться, учиться, учиться. И ещё раз учиться. На отлично. Только на отлично! (Вот Даниялов – троечник. То и дело сборы. Многообещающий борец. Дзюдо! Потому и троечник, а не двоечник. Хоть так... Престиж, республика, страна! Европа! Мировое!)

И вдруг – юность! Вдруг пучеглазик за летние каникулы (ударился оземь и обернулся?)... Такое... одночасье.

О-о! Кто это?! Ты это?! Это ты?! О-о! Солнечный удар. Всё! Она – моя! Она – моё! И никто! Все поняли?! Никто не вправе покуситься! Отныне и навсегда!

Попытки были. Были попытки. Шахман. Номер один в Махачкале, в известных кругах. Милиция – очи долу. А Шахман глаз положил. Ты чего, не понял, мы шахмановские! Теперь понял? Во-от. И отойди. Не отошёл. Там тогда, на Буйнакской, знатно повоевали в ночи. Отделался растяжением лодыжки, но всех отдела. Чемпион чемпионов! Вторая попытка будет? Э, ты не так нас понял, чемпион. Мы Шахману скажем. Всё-всё. Мир! Мы Шахману сказали, а он сказал: миру – мир.

И стало так. Она – моё! Моё всё!

* * *

И стало так.

Свадьба – сразу. Как только ей стало шестнадцать. Рановато? Кавказская специфика. Можно – с шестнадцати. Оговорено почти законодательно. В некоторых случаях...

Да и зачем детей мучить, если они уже созрели, решили! Так лучше, чем глупостей понаделать... вне брака. Он – ладно, мужчина, джигит, молодец! А она сразу – проститутка, вот проститутка! Восток...

Допустим, её папа при своём положении мог воспрепятствовать. Даниялов Амин? Восемнадцать? Повестка. Весенний призыв. Хабаровск, Иркутск, Салехард, комякский населённый пункт Ыб на реке Ыбень. Пишите письма. Друг дружке. Проверка чувств. Платоническое. А там и... поживём – увидим.

Её папа не стал препятствовать. Строго наоборот. Поспособствовал. В день подачи заявления ещё две недели до шестнадцати? Но папа *сказал*. Регистрация так и так через месяц? Проблемы? Никаких, никаких! Если надо – значит, надо...

Надо. Папа высоко сидит, далеко глядит. Он знает что-то, чего не знаем мы. Экстраполирует. Велик был год и страшен год – 1991. Уже Сумгаит, уже Карабах. Всё ближе и ближе. Так что езжайте куда подальше. Вам жить и жить, а мы как-нибудь... доживём. Как там наш папёнка? Папёнка согласился. Езжайте! Что значит – куда? Отсюда!

Свадьбу? Отгуляли! О, ещё бы! *Все* были! Вся Махачкала – много званная, но – избранная. Шахман... Сам не собрался, отношения не те. Но прислал своих двоих – с подарком для молодых. Такой подарок! Серебряное ведёрко для шампанского, ведро! Килограмм чистого серебра. И в нём с горкой – зернистая икра, свежайшая, отборная. Килограмма два. Простенько и со вкусом. Присланные сказали: Шахман просил на стол гостям не ставить – для молодых, подарок. Да на столе и так икра есть, бутерброды. И стол вообще ломится! (Но серебряное ведёрко, ведро с икрой – подарок, подарок!)

Свадьба! Свадьба! Подробности – см. фото, видеозапись на память.

Какая пара, какая пара! Она – такая миниатюрная Дюймовочка. Он – такой мускулистый Виннету.

(Расхожее заблуждение: все даги носатые, обволошенные, кавказской национальности. Нэ так всо было. Сказано, все настолько перемешаны. Сказано, кумык. Характерность и харáктерность. Чистая кожа, ни волоска. Прямой тонкий нос. Высокие скулы. Атлет. Виннету, вождь апачей. Кумык, однако. И – чемпион! Тяж.)

Все местные апачи на свадьбе собрались – с Пушкинской, с Кротова, с Маркова. Жених настоял, условие... Под конец, само-собой, не удержались, распались, чуть не выпали из условной борьбы в безусловное побоище. Ещё бы! С Пушкинской – и с Маркова! Ладно хоть, шахмановские сразу ушли. Ты что тут делаешь вообще?! А ты вообще, что тут делаешь?! Но

Виннету сказал: стоп, всё! Вождь сказал! И стало всё, и стало стоп. В лезгинке адреналин выплёскивайте, апачи. Музыка! Оркестр, ты зачем здесь вообще?!

Тофа Авшаломовна всё пересматривает и пересматривает свадебную видеозапись. Ой, дочка! Вот снова! Почему так мало! Снимали бы и снимали! Плёнки, что ли, мало?! Гостей зачем так длинно?! Ну, дерутся! Неужели так интересно?! Ой, вот она опять! С *этим* своим!..

Тёща. Вот ты и тёща, Тофа Авшаломовна. Без слёз, но со вздохом.

Этот дочку не отпустит. Даже в соблюдение древнего и дурацкого обычая. Похищение невесты! Апачи затеяли. Понарошку, да. Жениха отвлекли: «Амин, на минутку выйдем? Слово есть к тебе!» И под шумок (оркестр, ты зачем здесь?!) – похищение невесты.

Не-ет, *этого* не отвлечёшь...

На минутку вышел, через плечо оглянулся, *посмотрел* на своих апачей. Все поняли?

Когда через минутку вернулся, невеста... где была, там и есть, никуда не делась. Все поняли.

Она – моё. И моё всё.

Камера, стоп! Снято! Всем спасибо, все свободны. Ждём всех утром – на чай с халвой. Тофа Авшаломовна такую халву сделала, такую халву! Такая удаётся только татам.

Оставьте наконец молодых! Совесть имейте!

Ты – жена, я – муж твой. Он, она. Больше никого в ночи.

О, как много ласки твои лучше вина, и благовоние мастей твоих лучше всех ароматов!

Возлюбленный мой протянул руку свою сквозь скважину, и внутренность моя взволновалась от него.

Всё когда-то случается в первый раз.

И *потом*, утром, за халвой секретничают жадно: ну, как? как тебе было? просто чтобы нам знать... на будущее! интересно же!

Ну, что сказать... Только между нами, да?

Конечно! Больше никому!

Больно. Грязно. Мокро. Стыдно. Мерзко. Противно... Чудесно!

А глаза томные-томные...

* * *

Или, может быть, и к лучшему, что *этот* дочку не отпустит. Что значит «может быть»? К лучшему, к лучшему. Раз уж так сложилось. В надёжных руках...

Как она, дочка, *там*? Как они там?

– Вы не волнуйтесь за нас, Тофа Авшаломовна. Всё у нас хорошо... Хорошо, сказал. Правда... Лиля? У подружки. Сессия. Завтра последний зачёт. И тогда – третий курс. Да, представляете, уже третий. Время бежит, да. Я сам удивляюсь, сам уже на третьем – в Лесгафта. Нет, ну мне даже появляться там не надо. Система: пока титулы даю, всё автоматически... А Лиля – да. Всю ночь, сказала, будем сидеть-учить. Сеанс академической булимии. Не знаю, так сказала. У них всегда перед экзаменом такой сеанс... Ничего, потом выпится. И в самолёте ещё подремлет... Да, в самолёте. У меня послезавтра Гран-при. Амстердам. На неделю, если до финала довоюю. Довоюю! Лилю тоже беру. Такой... подарок. Всё-таки третий курс! Посмотри, отдохнёт... Просила вам позвонить. Вот звоню. У вас-то там как?... Правда?... Ну, и хорошо... Просила сказать, у нас тоже всё хорошо. Да правда, правда! Квартиру новую купили. Да, ещё одну. Почти в центре, на Загородном, какую она хотела... Я же зарабатываю... Нет, не надо икры. Здесь тоже можно достать... Не волнуйтесь вы про наводнение, Тофа Авшаломовна! Только по телевизору наводнение. На самом деле – всё хорошо, никакого наводнения!.. Тофа Авшаломовна! Я сам её на сессию проводил, прямо на факультет. Съездовская линия – сто метров до Невы. Всё сухо, сухо всё... А её подруга вообще на набережной живёт. Это

телевизор. Не верьте. И дамба у нас... Правда!.. Ну, вот... Вам из Амстердама – что-нибудь?... Тогда сами там сообразим... Да, сразу позвоним, как только вернёмся... Тофа Авшаломовна, я помню, мы помним. Вот и звоню. Вчера – годовщина... Положите за нас цветы. Он был... замечательный человек... Тофа Авшаломовна, зачем? Не надо! Вот... расстроил... Всё, заканчиваю. Конечно, Лиле всё передам. Держитесь там... Ну, всё...

Лилия просила: постарайся, будь... э-э... интеллигентней.

Он постарался.

Получилось?

Нет, он бы, конечно, по-другому сказал! И насчёт «подруги». Насчёт «у нас всё хорошо» – тоже. Насчёт «папеньки» – тем более. Хотя от того – ничего плохого. Но...

Наверное, получилось. Постарался.

* * *

Да и не покривил душой Амин Даниялов. Разве зять соврёт теще – даже во спасение?! Никогда. Ни в коем случае. Всё хорошо!

В Ленинграде вообще хорошо. Не Москва? Ленинград? Почему? Ну, во-первых, это красиво.

Выбор, конечно, был. Но какая Москва, когда есть Ленинград! Ещё брякните «Спартак – чемпион!»...

Она сказала сразу: Ленинград... если можно.

Чего хочет женщина, того хочет бог. Муж – бог. А как же!

Она с первой же попытки – на журналистику, на дневное. По конкурсу – как по маслу. Плюс школьная золотая медалька. Плюс публикации в махачкалинской молодёжке. Что-что, а лёгкость слога, энергетика, да просто грамотность. Не без искры божьей, не без. Начитанные провинциальные юницы из приличной еврейской семьи – вот будущее отечественной публичной словесности.

Муж? Тоже с первой попытки. В Лесгафта – с руками-ногами! К нам прие-ехал, к нам прие-ехал Даниялов дорогой! Будет у нас учиться! Да не будет он учиться! Сам любого научит – в дзю-до таких, как он, считанная единица. Главное, результат давай – а за нами не заржавеет! Результат – легко! Европа, Мировое, Турнир века... Насчёт «легко» – перебор немножко. Воевать на татами – не коньячок потягивать перед телевизором. Но всё относительно. Сказано: считанная единица.

* * *

Теперь – быт. Вот материальная сторона... Без проблем! Сказано: не заржавеет. Спонсор. «Нево», спорткомплекс на Каменном острове. Заработки у борцов не те, что у маленьких футбольных человечков по ТВ. Но не бедствуют, с хлеба на воду не перебиваются. У «вольников» и «классиков» жемчуг мелковат, но всё-таки жемчуг, а не супчик. Самый же ёмкий – да-да, дзю-до. Вот так выберешь с малолетства, наобум, методом тыка, и глядь – куда занесло! Гребни лопатой!

В общем, первый же турнир («Сканди+», что ли? Так себе уровень!) – и квартира в подарок от спонсора. А чего мелочиться?! Молодая семья – в общагу им?! Обживайтесь в Питере, обживайтесь. Теперь будет где – чисто конкретно. Пристойная «двушка» на Богатырском, потолки – 3,20. Не Центр, но до метро «Пионерская» рукой подать. На первое время. Потом тоже не заржавеет. И какое метро! Может, сразу авто? БМВ – устроит? А у жены права есть? Сделаем, не вопрос. И ей авто сделаем. Предпочтения? Советуем, например, «мини-

купер». Изящно, престижно, надёжно, просто, Англия. Дареному «мини-куперу» в бампер не смотрят.

* * *

Ах да! «Первое время» вроде миновало.

Год, второй...

Амин Даниялов сотоварищи уже зачастил в Казачьи бани. Ну, как зачастил? Традиционная суббота, узкий круг, *борцовая мафия*, три часа люкса на первом этаже. «Лучший веник России», стихийный интеллеktуал, сущий вещун Саныч. Бильярд, минералка, хрустали, тот же коньячок дагестанский (умеренно!). *Госты* – практически нет. Хотя условия позволяют и даже располагают: «любовницкая», диван кожаный, бра, тумбочка, номер обособлен, дверь закрывается. Но – не за тем собираемся. От-дых. От-дых, ясно?! Сюда, знаете ли, сам Распутин наведывался, тот самый. Жил неподалёку, на Гороховой – улицу перейти. Что характерно, без девок наведывался. Просто от-дых!

Да, русская баня, сауна, массаж – всё входит в борцовую подготовку, рабочий момент. Но одно дело – рабочий момент, и совсем иное – от-дых. Два в одном...

Так никогда она, Лилит Даниялова, при муже ни разу не бывала в бане. То есть именно в этой – переулочек Ильича, ныне Казачий. Строги восточные нравы.

Да что она, голых мужиков никогда не видела?!

Оп! С этого места подробней!

Ай, не цепляйтесь к словам! Отстаньте! Голые мужики! Невидаль!

Вот кто мельком заинтриговал – сущий вещун Саныч.

Подросла на «мини-купере» к сроку – мужа подобрать, до дома подбросить, как договорились. Коньячок у них там, в бане, пусть в меру, но за руль нельзя. Подросла. И – ещё четверть часа вынужденно претерпела, пока стихийный интеллеktуал на выходе, вил и вил монолог пропаренному сообществу. В кружок на свежем воздухе... А ей и досадно не было. Наоборот. Вслушивалась. Белая зависть. Сущий вещун! Самобыт! Начинает про одно, продолжает про другое, заканчивает третьим – и не заканчивает, извилисто возвращается к первому, закольцовывает. Поток сознания. Но – сознания! И – поток. Его бы, Саныча, под запись! И сразу – в набор, в очередной номер «Талисмана»! Гранич заценит: «Где надыбалась?! Растёшь над собой!» Где-где!.. Она, само собой, и сама по себе в «Талисмани» – явление. Молодое, да ранее. Но ещё бы присобачить (ну, приручить!) сущего вешуна – тогда вообще! Ну да об этом и *завтра* можно подумать...

А *сегодня*, в ожидании мужа – рассеянный взгляд из «мини-купера» окрест.

Ах! Вот угол Загородного и Казачьего. Самый-самый угол. Булочная. Над ней ещё такая витиеватость архитектурная, приглашающая внутрь – типичный «слоник». Богатое воображение. Но не в булочной, не в «слонике» дело. Над тем «слоником», этажом выше – эркер. Вот! Там! Она бы там устроила такой Эдем! В натуре. Не в жаргонной натуре, а в *натуре*.

– Ой! Обрати внимание! Эркер над «слоником», а?! Я бы там такой Эдем...

Любой каприз, любой каприз!

Да, есть у неё такое. Даже не каприз. Тяга. Неодолимая. К флоре. Qui fleurit sa maison fleurit son coeur. Пардон за мой французский. Кто украшает дом цветами – украшает собственную душу. Лилит... Эдем... Гены? Через годы, через расстояния. Давнишняя Набрань – сказка, которая была... (Сколько кануло, сколько минуло!) Repete: чего хочет женщина...

Короче, на – тебе! М-м, не сказать «короче». Расселение коммуналки над «слоником» – годик хлопот. И мытьём, и катаньем. Подчистую. С привлечением *всех и всяческих* ресурсов. Даже не пожертвовав «двушкой» на Богатырском. Но теперь: на – тебе, вот – твоё. А ты – моё! Моё всё! (Вот ошибка, чемпион чемпионов! Роковая! Вот она где!)

* * *

Чемпион, понимаешь! Сила есть – ума не надо! Дверь зачем снёс?! Треск, грохот!

Консьержка-тётушка, выворачивая шею на второй этаж, испуганно пугала, сама приужаяхнувшись: «Сейчас милицию вызову!»

Не вызвала. Милые бранятся – только чешутся.

Да, знает этого молодого человека... Да, тут живёт... Жил... То есть бывал. Раз в месяц, дай бог. А то и месяцами. Жена – да, жена – живёт. Такая... приветливая, в общем. Никаких нареканий. Тоже не каждый день. Но не раз в месяц, чаще... Последний раз? А как раз три дня назад. Нет, четыре. Как раз авария со светом была на сутки. Сидишь в полной темноте, в духоте и думаешь... Да, четыре. Ну, мы же не зазря тут. Следим. За что и платят. Копейки, правда...

– Вот он пришёл. Как к себе домой. А он и пришёл к себе домой. Ключ заело? Замок-то новый. Стал колотиться. Думала, кувалдой. Такой звук: бух! бух! Ногами. Выбил дверь. Выбил, слышно. Тресь! И – тишина. Главное, даже не матерился. Тут же спустился. Вы шум не поднимайте, говорит. Просто, говорит, домой никак было не попасть. Тыщу дал, одной бумажкой, в компенсацию. Ваше право, говорю. Насчёт шума – это он да-а-а уж...

– Потом?

– Потом? Потом утром идёт по лестнице – оскаленный, улыбка такая. Сумка на плече. Говорит, дверь я прикрыл, но на соплях. Проследите, говорит, не обижу. И ещё тыщу дал, одной бумажкой. Если вдруг жена вернётся (знаете её? н-ну, знаю...), позвоните мне сразу по номеру, Амина попросите. Не обижу.

– По какому номеру?

– Вот по этому. Вот, на листочке.

– Позвольте? Возьму? Угу. И? Потом?

– Потом – она.

– Сразу?

– Не-ет. Часа через два... три...

– В каком состоянии?

– В... нормальном. Такая... никакая.

– В смысле?

– Нормальная... Говорю: простите, у вас там с дверью... проблемы. Говорит: то есть? А что мне сказать? Сама смотри. Или мужу звони. Я-то сразу позвонила, как просил. Там говорят: «Вы позвонили в оздоровительный комплекс „Казачьи бани“. Ваш звонок очень важен для нас!» И музыка... Потом ответили человеческим голосом. Говорю: мне Амина. Говорят: а кто его спрашивает? Говорю: какая разница? Говорят: есть разница. Говорю: а вы кто?! Говорит: Чингиз.

– Чингиз?

– Понятия не имею! Слушайте, избавьте меня от всего этого! Я и так тут за копейки... Что знала, то сказала.

– Момент! А вам не показалось, что в тот момент, когда вы сказали про дверь, жена покойного...

– Покойного? Как – покойного?!

– Да вот так.

– Ах! Какая неожиданность!

* * *

Не снёс бы дверь сам, чемпион чемпионов, – глядишь, перспектива наметилась бы. Вась-вась начеку, стойку сделал: ага!

Что – ага?!

А то!

– Смотри, малой. Предположим. Предположим?

– Ну!

– Муж – глава семьи. Так?

– Ну!

– Обеспечивает полностью.

– Вот молодец!

– Но регулярно в отсутствии. Месяц, два, три...

– Скрывается? Разлюбил?

– Малой! Ты бы *такую* разлюбил?

– Не-е... Слежу за мыслью.

– Следи. Он – чемпион. У него сборы, тренировки, турниры. Периодическое длительное отсутствие. А супруга...

– А что же делает супруга одна в отсутствие супруга?

– А-а-атставить цитаты! Распустились тут мне!

– Что – я! Пушкин...

– Ладно, Пушкин. Что там потом?

– Занятий мало ль есть у ней? Грибы солить, кормить гусей, заказывать обед и ужин...

И горестно гадать на мужа...

– Достаточно! Итак? Что имеем?

– Регулярно ходит на рынок за продуктами...

– Или ездит? У неё машина, «мини-купер».

– *Ходит* – до рынка. До Сенного. Сто метров от Казачьего, через мостик. Зачем ей в *этом случае* машина?

– Согласен. Ходит.

– Далее. *Регулярно* готовит – в ожидании супруга...

– Ч-чёрт, идеальная семья! Ты женат, малой?

– Пока бог миловал.

– И дурак!.. Или я дурак?

– Чего?

– Ничего-ничего... Значит, *регулярно* готовит. Наперёд. Не зная, когда муж появится.

Но чтоб было.

– Осетринка паровая!

– Да. Могут себе позволить... Б-блин, у нас там не завалялось ли чего?

– Осетринки? Паровой?

– Очень смешно!

– Тут у нас где-то сушки...

– Валяй!

Хрум-хрум. Продолжим!

– Итак! – Хрум-хрум. – Готовит осетрину на пару. Специи, лимон, всё такое. И – в холодильнике. А сама – в отсутствие... Сессия у неё. Нет её.

– Трое суток? В отсутствие?

– Никогда ты, малой, не сдавал сессии...

– Виноват.
– Да не виню...
Хрум-хрум.
– Ага! И тут – blackout вдруг!
– По-русски, малой!
– Свет отключили. Весь дом – без электричества. Коммуникации... Аварийка сутки на ушах простояла. Включили. Через сутки.
– М-да...
И – жара! Жара! Жара!
Вась-вась руками развёл. Уныло глянул в окно. Там – улица, разбитые фонари, кивины серые-хвостатые. Диалог – под стать, оттуда же...
Добро, да, не торжествует. Но то же – и зло...
Что есть зло?
Хрум-хрум.
Не снёс бы дверь сам, чемпион...
А снёс. Тем самым, получается, косвенно уберёт жену. И её, и этого... которого привела бы. Ну, если бы привела. Ужин при свечах, коньяк, шампанска, *паровая осетрина*...

* * *

А так было хорошо три года! Ведь хорошо?
В общем, да. И в частности. Не врал теще, не врал. И...
Что есть зло?
В семье всякое бывает. Неужели?! Поднял на неё руку?! Всё! Уже чудовище – он. И неважно, за что. Да и за что?! Женщина и есть женщина! Лилит. Или всерьёз вообразил: она – моё!
Нет. Руку поднял, да. Не на неё – на святое для неё. Лучше бы сразу убил.
Она... учла. Не стерпела, учла – разница!
Сказал: вернусь через три (четыре?) дня. Сказал, надо ещё всех положить в Мордовии. На злобе! Вернусь – ещё поговорим!
Не поговорили.
То есть вернулся. А она – уже замок новый врезала!
Ах, так?!
Далее – см. тётушку-консержку. Та ведь – всё как на духу. Вась-вась скрупулёзен. См. протокол.
Вот далее – вариативы.

* * *

Вариативы, да.
Амстердам памятный. По горячим следам, по свежим впечатлениям – зарисовочку в «Талисман» на пять тысяч знаков. Эквивалент в «Талисмани» – *букворубль*. Мелочь, а приятно. У хорошей кухарки всё идёт в суп.
Фрагмент. (Важно!)
Путевые заметки, как и чужие сны, никому не интересны. Ergo, что интересует – спрашивайте.
И вот кто бы мог подумать! У всех и каждого – три вопроса, три.
Как там, в квартале красных фонарей?
Что, правда, одни геи кругом?

3) «Косячок» попробовать довелось, да?

Три вопроса, три. Хоть бы кто – про тюльпаны, что ли! Там такие тюльпаны в Кёйкенхофе, такие тюльпаны! Нет, никому не интересно...

Тогда отвечаю по порядку:

1) Строго по анекдоту: «Прав был наш парторг, отвратительная штука этот стриптиз!» Резюмировала мужу (да, с мужем была, с мужем!): хорошо, что мы туда сходили – у меня очень повысилась самооценка!

2) Правда. Геи. Не одни. Парами. Без пёстрых боа, жеманности, демонстрации. Мужчины (?) в хороших костюмах. Пьют кофий, общаются друг с дружкой. Или не геи, просто деловые партнёры. Но как бы Амстердам обязывает – геи, геи! Да и пусть. Ненавязчивые. Ну, живут они так. И, в общем-то, понять (не принять, но понять!) их можно – после квартала красных фонарей. Типа уж лучшие мы друг с дружкой, чем вот с этими... одалисками!

3) «Да» и «нет» не говорите. Загадочная чеширская улыбка. Всё в этой жизни надо попробовать. Но высшая, гм, доблесть: попробовать не попробовать «косячок», будучи в Амстердаме. Хотя «кафе-шопы» – на каждом шагу.

Скажешь «нет», скажут «ну и дура!» Скажешь «да», скажут «ну и как?». Так я вам и рассказала! Sapienti sat, умному достаточно.

А ещё мутноокие афроголландцы с дредами – везде.

Ещё – сплошные велосипеды, и ни единого фальшипрестижного монстра типа «лэндровер».

Ещё – гомонящие детишки на вольных площадках перед Королевским дворцом. Количеством – вермишель в супе. И откуда они только берутся, учитывая три вопроса выше?!

Ещё – красиво. Архитектура – застывшая музыка, всё такое. Хотя... ощущение чуть несвежей блузки – это есть. Но... красиво. Жить здесь – пожалуйста, нет. Как-нибудь вернуться сюда – да.

Всего лишь фрагмент. А почему важно?

Там и тогда, в квартале красных фонарей, перед «витриной», он вроде пошутил: «Тебя бы туда, на их место – как чувствуешь?» Дурак? Мужлан? Спортсмен? Однако пошутил с подтекстом: знаю, знаю! Нет, не так. Догадываюсь. Знал бы – убил!

Бабочка отпорхнула. Самооценка очень повысилась, а так – нет, на их место – нет.

Умеют они держать нас в состоянии вины. Даже когда сами, когда сами, когда сами!

Зачем ей был тот квартал? Тыщу лет не надо. Ну, ему захотелось, да? Ради бога! Жена да воспоследует за... Она-то хотела перво-наперво в Кёйкенхоф. Лиссе. Побережье. Всего тридцать километров, между Амстердамом и Гаагой. Цветочное королевство, Кухонный парк. Сама не своя до всякой флоры. Тюльпаны, тюльпаны, тюльпаны! Голландские! Луковицы? Да, продаются, там же. Да, эксклюзивные тоже. И Viceroy, и Semper Augustus, и... ах! Атрибут богатства, да. Но это ведь всего лишь деньги!

Так что?

– Съездим. Конечно, съездим!

– Когда? Когда-нибудь?

– А вот сейчас!

– Посадку объявили.

– Чихать хотел! Поехали. Прямо сейчас!

– Неприятностей у тебя не будет потом? С тренером, с командой?

– Чихать хотел! Кто чемпион?

– Ты.

– Вот! Поехали!

Поехали!

– Кёйкенхоф, *Кухонный парк*, неразрывно связан с именем графини ван Бейрен. В пятнадцатом веке на этих землях располагалось её имение. Здесь она выращивала травы для придворной кухни. Удивительная женщина, большая любительница охоты, за свои короткие тридцать девять лет жизни успела многое. Сменила четырёх мужей, отсидела в тюрьме, приняла участие в нескольких войнах. В одном из сражений противником графини был её собственный муж.

– Ух! Жили же люди!

– Что эта женщина говорит? Я не понимаю. Переводи, ну!

– Не успеваю. Тебе так важно?

– Да мне вообще!.. Но красиво здесь, да.

– Правда? Не жалеешь?

– Н-нет.

– У нас, «над слоником» будет ещё красивей! Луковки покупаем?

– Выбирай.

– Эту, эту, эту. И эту. И ещё эту. Амин?

– Да, э, да!

– Я тебя раздражаю?

– Нет, э, нет!

– Тогда и вот эту ещё... А скажи... Хотя можешь не говорить...

– Что?! Что?!

– Н-нет.

– Да говори уже!

– Когда мы были в *том квартале*... Ты, если бы меня не было... Кого бы там выбрал?

Так, просто попробовать...

– Глупость не скажи!

– Вот та, злющая. Молодая совсем, раскосая. На тебя посмотрела. И ты тоже – на неё так посмотрел!

– Глупость не скажи!!!

Умеют. Умеют *они* держать *нас* в состоянии вины.

* * *

Или впрямь любовь живёт три года? И не более?

Потом начина-а-ается!

Верней, кончается.

Кто виноват?

А кто первый засветился, тот и виноват. Во всём! И не так важно, что второй небезгрешен. Ты виноват уж тем, что засветился.

Ведь как получилось?

Да, перебрались на Загородный (угол Казачьего).

«Двушка» на Богатырском, в общем, бесхозная. Сдавать её кому-то? Лишние хлопоты. Есть и есть.

Потом, через полгода, вдруг Шахман звонит из Махачкалы, сам! Сам Шахман.

– Брат! – со всем уважением, без нажима. – Брат, дело. У тебя в Ленинграде найдётся место, где два наших земляка проживут? Год-полтора. Не больше.

Хороший вопрос, брат-земляк. Наводящий. Подумать надо. А что такое?

Понимаешь, тема, брат...

Тема. Шахман – не гопник. Шахман – коммерсант. Стал таковым, что ли. Посетил тут руины Ленинграда, уже новоявленного Санкт-Петербурга. Ленинград и Махачкала – города-побратимы, кто не в курсе. Так выпьем за...

Стоп! Вы что тут пьёте? Что у вас тут наливают?! Это – коньяк? Это не коньяк!

Да времена такие...

Какие?

Вот же – самое начало девяностых.

Тогда вкратце от Шахмана, релиз:

Коньяк. Армянский, азербайджанский, грузинский – не существует, перестал существовать на текущий момент. Коньяк должен *отлежаться*. Невозможно в условиях войны, так и есть. А там – война, как бы её ни называли. Так?

Т-так.

«Хеннесси», «Наполеон», «Мартель» и пр. – дешёвая польская подделка. Относительно дешёвая, но дорогая для рядового потребителя. И моли бога, чтоб не отравя. Так?

Т-так.

И отравя с Апраксина двора и Сенной, разлитая из грязных бидонов, укупоренная вручную подпольными умельцами. Тут моли бога, не моли бога... Так?

Т-так.

Во-от. А мы хотим вам, городу Ленина (или Петра? уже тогда Петра!) помочь. Без-возмездно. Побратимы всё-таки!

Короче, тема. Дагестан – Россия. Для тугодумов ещё раз: Дагестан – Россия. Никаких лишних пошлин, накруток и пр. Ведём линию, поставляем свой *честный* коньяк. Да, не такой элитный, не Х. О. Но – *честный*. Сбываем (не сбавляем!) свою продукцию, имеем свой процент. Всем хорошо! Всем хорошо, так?

Т-так. (А в зрачках северного побратима запрыгало, замелькало, *заматематилось*).

Только, сказал Шахман, мы в Дагестане – люди восточные, честь, репутация... Понятно, да?

Понятно, да.

Поэтому. Повторяю, поэтому – вот какой коньяк с нашей стороны пойдёт, пускай такой и придёт. И сегодня, и завтра, и через год, и через сто, дай бог. Понятно сказал?

Ещё б!

Релиз окончен!

Российские коммерсанты с Дагестана порой столь убедительны. Причём вежливы. Сопровождающие лица – тоже. Ни намёка на бандюков, перестаньте! Уважаемые персоны! Вот и наш чемпион чемпионов (наш! питерский! узнали!) в сопровождающих. Как отказать?! Да никак! И с какой стати?! Всё по-честному!

И стало с тех пор в Питере хорошо с коньяком. С дагестанским. Вам хоть Измайлов подтвердит. Какой-такой? А такой... вечно с фляжкой заценённого дагестанского. Типа писатель. Не знаете? Что ж, невежество – не аргумент.

М-м. Возвращаясь к.

Вдруг Шахман звонит из Кизляра, сам! Сам Шахман.

– Брат, спасибо, что со мной тогда к людям ходил. Брат, ещё спрошу? Земляки наши где-нибудь у тебя поживут? Год-полтора, так, немножко. Пока линию наладят, технологию, согласование. Гостиницу подскажешь? Деньги – не вопрос.

Какие деньги! Какая гостиница! Земляки! Не вопрос! Квартира устроит? Две комнаты. Правда, от центра немножко далеко. Но – метро.

– Спасибо, брат. Ты не подумай ничего, они там слишком не будут... Интеллигентные люди, инженеры, технологи. За собой следят. Спрашивают, потом в Эрмитаж можно?

Он и не подумал ничего.

Спасибо, брат.

Пожалуйста! Земляки – святое!

Год-полтора земляки прожили – ненавязчиво. Позвонили однажды только: до Петергофа как лучше добираться – с Балтийского вокзала или маршруткой с Автово? На открытие фонтанов... Интеллигентные люди. Маршруткой.

Съехали. Наладили коньячную линию, процесс пошёл – и съехали. Потом, раз в квартал, будут наезжать – на день-два, чтобы контролировать процесс?

Да не вопрос! Жалко, что ли?! Всё равно пустая.

* * *

А ей вдруг понадобилось. Необязательная давняя ерунда. Даже не вспомнить сейчас. У неё такая коллекция ерунды! И вдруг понадобилось. Где же, где же?! О, на Богатырском, когда ещё там жили – до Загородного. На антресолях? Скорее всего. Нет-нет. Но съездить, глянуть. Чтобы с чистой совестью. Ключ от «двушки» давным-давно без нужды в связке, забыла про него. А тут вдруг понадобилось.

На всякий случай позвонила предварительно, чтобы не сюрприз. Вдруг там очередные визитёры от Шахмана?

Длинные гудки.

Она, главное дело, эту свою давнюю ерунду нашла. Сразу. Да, на антресолях. Но – и кое-что ещё, и кое-что иное, о чём не говорят, чему не учат в школе. Не на антресолях. В совмещённом санузле, в шкапике на полочке. Машинально. Как бы поделикатней... Га-а-андоны, да, гандоны! В упаковке, готовые к применению. Хоть не использованные.

Косвенная улика. Шахмановские оставили ещё с прошлого раза – интеллигентные, но люди, ничто человеческое не чуждо. Версия приемлема.

Ещё версии? Никаких! *Ощущение*. Шахмановские? Те – двухнедельной давности. Как раз насчёт петергофских фонтанов звонили – перед убытием прихватить впечатлений. Нет, не они здесь вчера-позавчера... Химия тела, всё такое. Ну, *ощущение*! Белая гвоздичка в стакане, одинокая, на издыхании. Позабыли тебя, позабросили. Но – *не две недели назад*.

Ушла, закрыла за собой, будто и не приходила. Гвоздичку с собой... Жалко её!

Ну да. Мужчина полигамен – по определению (кто определил, кто?!). Кавказец – того пуще. Муфтий Саудовской Аравии Абдулазиз Али Шейхо: муж имеет право съесть свою жену, если голоден, а жена должна смириться с такой участью и тогда раствориться в муже. Хочешь поговорить об этом?

Сегодня – нет. Сегодня пришёл домой – был мрачен. Момент такой. Момент истины. Муж всегда узнаёт последним. Добрых людей всегда много. В баньке, кстати, в Казачьей, в люксе – тоже. Так, в разговорчике – ни о чём, ни о ком. Чисто конкретно – *ни о ком*. Амин! Э! Мнительный ты стал, Даниялов.

Не стал уточнять. Иначе сразу и неизбежно – горы трупов... добрых людей. Просто *не понял, не обратил внимания*.

Но после баньки – всего-то двести метров – не остыл. Наоборот. Рано или поздно – когда-то надо. Сейчас! Жена – дома? Жена – дома. Прекрасно! В кои веки! А как же сессия, жена?

Был мрачен. Призвал к ответу – молча, взглядом. *Нам всё известно!*

Жена! Подруга у тебя, да? Академическая булимия у тебя, да? Сессия, да? Воркуль – кто такой? Скажи: понятия не имею! Скажи: лектор, что ли? Скажи! Не ударю, клянусь. А то не соизмерю и – совсем гроб!

Ничего не сказала. Молча ответила – в оранжевой эркере воскресая белую гвоздичку: питательный раствор, опрыскивание. Иначе гвоздичке – совсем гроб. *Qui fleurit sa maison...*

Ой, а тут вдруг муж! Что у тебя с лицом, муж? Сама – сама невинность. С подтекстом: слушаю тебя, слушаю. Не говори ничего.

Называется – на опережение. Умеют *они*!

Гвоздичку – опознал. Даже если не та, другая. *Нам всё известно!*

Мужчина, чемпион, кавказец – и потерять лицо?! Ещё и носом шмыгнул. Мгновенную простуду подхватил после бани – на семи ветрах прошёлся нараспашку, всего-то двести метров. Шмыгнул.

А она, главное, краешком губ дрогнула: сопли? вопли?

Да, вспылil. Был неправ. Прав! По-своему прав! Мужчина, чемпион, кавказец! Лёгким движением руки, *обводным* – по тюльпанам. Вырвал с корнем, с луковицами (*Viceroi, Semper Augustus*, ах!), с комьями земли. («Виталь, знаешь, *лучше бы он меня тогда убил!* Меня! Тюльпанчики-то в чём провинились?!») А букет! Срочно вот нужен! Ухожу. Только не спроси, куда!

Переступая порог, назначил: сессия-мессия, меня не касается! обед чтобы готовый был!

Когда?

Всегда! Знай своё место, женщина.

А если обед не готов... *имеет право съесть свою жену, если голоден, а жена должна смириться с такой участью и тогда раствориться в муже.*

Сказала вослед: «Порог не переступишь!»

Консьержка слышала. Может, не дословно. По смыслу – так.

А дословно?

Да так вроде. Вроде так.

Потом?

* * *

Потом – всё как всегда. Хан готов подтвердить. *Очевидец*. Даже участник. Сразу позвонил оттуда. То есть отозвался на звонок.

Хан?

Чингиз! Бикмурзин. И посейчас в школе «Иточу» хоть малыцы, хоть пенсы меж собой: Хан, Чингиз...

Суббота была. Очередная. Заказанные три часа люкса в Казачьих с одиннадцати утра. Плюс-минус, кто как подтянется. Все свои. По обычаю, Саныч пораньше – веники довести до кондиции, до нужной.

А все пришли. Почти все. Хан, понятно. Из вольников – Шильников. Зелин-классик с сыном. Игорь-колонель (ну, не полкан же!). Упомянутый Измайлов, мнимый. А Виталья, Евлогин? Будет? Сегодня Аврумыч – пас. Звонил: не получается. И Макс Багдашов тоже. Служба. Какая служба в субботу? Или *Аврумыч не Аврумыч*? Соблюдай день субботний!.. Не цепляйтесь, не берите в голову. Кворум есть? Вот главное! Своя компания.

Кворум? Есть...

Думали: придёт Амин, не придёт Амин? То есть не так чтобы думали-думали, но в уме держали. Заранее каждый сам с собой договорился – виду не подавать. Газет не читаем, телевизор не смотрим, Интернета ещё нету. Просто собрались попариться, как обычно. Всё бывает в жизни. Впервые – тем более.

Тем более какой-то бурят (Бамбай Цыжыпов, а?!) в какой-то Мордовии на каком-то захудалом турнире самого Амина Даниялова *сделал*. Примитивный о-сото-гари – и пожалуйста! Иппон! Нет, не понимаете? О-сото-гари! Большой внешний охват. Классический, чуть ли не первый приём при обучении дзю-до! В каком душевном и физическом состоянии надо пойматься на примитивный о-сото-гари! Да не парься! Турнир захудалый, отборочный, ни в коем

случае не «звоночек»: сдавать ты стал, чемпион чемпионов! Ещё зверская простуда, зверский насморк. Тоже камешек на весы. Пустяк, но камешек при прочих равных.

А в баню пришёл, пришёл. Виду не подали. Сам виду не подал. То есть все чуть шумней и дружелюбней, чем всегда. Он чуть мрачней и молчаливей, чем всегда. Так все по субботам в бане всегда шумны и дружелюбны. Он всегда мрачноват и скуп на слова. Коньяку? Да, коньяку принёс, как обычно. Этого добра у него... И да, персонально фляжку – для Саныча. Традиция.

Что-нибудь предвещало? Кто-нибудь первым заметил? Кто, кстати, первым заметил?

Да никто и ничего!

Игорь-колонель между парилкой и ещё парилкой – на бильярде сам с собой.

Измайлов-мнимый в креслах – сигаретку за сигареткой.

Зелин-классик – ну, с сыном о своём.

Саныч тоже как всегда: за три часа из парилки в зало не посунулся – такая у него... карма, своеобразное, но удовольствие. Вольника Шильника пропарил от души, потом – Амина *щадяще*, только чтоб хворь изгнать. Саныч чуткий.

Словом, общее состояние – таким *женским* словом: истома. Или вот ещё *женское* туда же: трепетная нега. На то и субботняя баня!

Вот Амин вышел от Саныча в истоме, с трепетной негой. На ногах – еле-еле. То ли ему очень хорошо, то ли очень плохо. Не понять. Пойду, сказал, *приляжу*. Хрипло, задыхаясь. Нормально, после веников. Ушёл в «любовницкую» – диван кожаный, бра, тумбочка, номер обособлен, дверь закрывается. Хочет человек побыть один, даже вздремнуть. Отпущенного времени – почти час.

Но, извини, Амин, через почти час давай вставай. Сеанс окончен. Хан? Сходи, подними его, ты с ним как-то ладишь...

Сходил. Тук-тук! Амин? Тук-тук!

А поздно. «Скорую» вызвали, но...

Всполошились? Не-ет. Но грузная *мужская* общая досада: не было печали!

– Главное, он же нормальный пришёл?

– Нормальный пришёл.

– Саныч?

– Я его сегодня легонько, нежно. Как... ну, как бабу. Но он... нет, он был уже какой-то...

– А говорят чего? Сердце?

– Ничего пока не говорят.

– Жене позвонили?

– Кто будет звонить? Ты? Звони!

– Что я-то?!

– Спокойно все! Хан уже связался. Кому надо, все в курсе.

– М-да. Мужики! А по стакану-то?! Не оставлять...

– Да-а... *Его* коньяк... А разливай.

– Прямо здесь?

– Нет! Щас пройдемся всего ничего, к «слонику», и – там! Заодно, чтоб два раза не вставать, выразим жене наше... наши...

Так выпьем! За пошатнувшееся здоровье? Или за случившийся упокой? Врачи борются, спортивная общественность молится, друзья цинично бодрятся.

– Получается, следующая суббота у нас пролетает?

– Кто о чём!

– Сам вшивый!

– Очень смешно!

С лёгким паром!

Не смешно, не смешно.

Да-а, чемпион чемпионов... Заскорузлость, панцирь, броня, колосс. А сердечко-то... Бурят (Бамбай Цыжыпов, а?!) в Мордовии на захудалом... Примитивный о-со-гари... И сердечко – ёк! А ведь медкомиссии у них, постоянные медкомиссии... *Внутренний* позор ни одна медкомиссия не диагностирует. Самурайский кодекс плюс кавказская гордость. Или просто с коньячком стоило бы ограничиться? Или в семье глубоко личные нелады? Или звёзды так сложились? Что мы знаем о ранимой мужской душе? Ни хрена не знаем!

Пристойный спич. Роняя скупую слезу – с громким всплеском.

Нет, не сердце. Тогда б – красиво. Ну, приемлемо.

Врачи скажут, наконец?! Диагноз, диагноз!

Да нате! Ботулизм. При попадании в организм *нищевых* продуктов, содержащих *ботулотоксин*, продуцируемый спорообразующей палочкой *Clostridium botulinum*. Начинается внезапно. Выраженная общая слабость, головокружение, головная боль. Схваткообразные резкие боли в животе, жидкий стул, тошнота, рвота. Расстройство зрения, охриплость голоса. Очень грозный признак – нарушение дыхания. Парез дыхательной мускулатуры (исчезает кашлевой рефлекс). В особо тяжелых случаях – летальный исход.

Особо тяжёлый случай с пациентом Данияловым. Пациентом стать не успел. Врачи на месте, в Казачьих, констатировали: он, летальный... Ну да. В луже говна, блевотина, пучеглаз... Ничего себе, сходил полежать после веников!

Саныч ни при чём, Саныч ни при чём!

Ботулизм. Вторая свежесть – вот что вздор! Свежесть бывает только одна – первая, она же и последняя. А если второй свежести, то это означает, что она тухлая! Извинить не могу.

* * *

Вась-вась тогда *рыл до воды*. Его земля.

Нет криминала. Нету!

Выстраиваем.

За три дня (за четыре!) до своей смерти гражданин Даниялов Амин ссорится с женой, гражданкой Данияловой Лилит, и отправляется ночным рейсом на турнир в Саранск, столицу Мордовии. (Почему-то с каким-то диким букетом тюльпанов!)

Гражданка Даниялова Лилит уже поутру вызывает слесаря, меняет замок на входной двери. (Слесарь долго возился. Консьержка недовольна была. Стук, грохот!).

Во второй половине дня гражданка Даниялова идёт на Сенной рынок – тут рядом, через Фонтанку, через мостик. Возвращается с живым осетром в полиэтиленовом пакете – килограмма на четыре, беспокойный, весь пакет издырявил носом своим. (Консьержка перепугалась: вдруг острое рыло из пакета! и шевелится, шевелится!). И запахи, запахи. Ароматы! В ночи...

Сволочи! Народ голодает, рубль валится, пенсия пшик, и за апрель не заплатили. А они – осетрину! С другой стороны, люди зарабатывают. Он хоть чучмек, но вроде наш, чемпион какой-то. Она вроде учится, вроде приличная. Улыбается всегда. Спустилась утром, на выходе брикет в фольге суёт. От чистого сердца, говорит, не откажитесь. А и не откажусь! Извинилась ещё за слесаря, за шум. А в фольге – осетрина, паровая, с полкило! Последний раз – на юбилейный год, в семидесятом пробовала? Сама съем! Внуку бы кусочек, но – умер. Ещё у неё пакет большой, на выброс. Кошки, спрашивает, у вас есть? Три! Сивка, Бурка и Каурка. Тогда, если не побрезгуете... Визига тут, плавники, голова... Так и быть, оставляйте! Супчик-уха, лаврушки, перчику, сольки. Недельку протяну. Сивке, Бурке и Каурке тоже достанется. Клава где?! Меняй меня, Клава! Ведь жара! До дому полквартилы, сразу на плиту. Или и не сволочи они, хоть и чучмеки?

– Констатируем, консьержка ту рыбку съела?

– Схотмачила будьте-нате! Уху – тоже.
– Без последствий.
– Жива-здорова. Коты – тоже.
– Хорошо, но Даниялов-то вернулся лишь на четвёртый день. Рыбка могла подпортиться.
– В холодильнике?
– Да-а, в холодильнике... На улице – плюс тридцать, духота, пекло, давно такого мая в Питере... Но если в холодильнике...
– И тут – blackout вдруг!
– По-русски, малбй!
– Отрубили. Сутки без электричества.
– Да-а, в замкнутом пространстве, в духоте. Что угодно заведётся... Через сутки аварийная бригада всё восстанавливает, холодильник включается, как ни в чём не бывало. Но что в рыбке завелось, то никуда не делось.
– И хозяева ни сном ни духом. Если, допустим, их дома не было. На даче, в командировке, не знаю...
– Получается, несчастный случай? Малбй?
– Ещё вариант. Сама гражданка Даниялова устроила blackout. На почве возникших неприязненных отношений ночью маникюрными ножницами перестригла силовой кабель, чтобы обесточить домашний холодильник, чтобы осетрина стала второй свежести, чтобы изголовавшийся блудный муж сожрал и склеил лапы...
– Язык прикуси.
– Виноват! Я ж как вариант...
– Не вариант... Она, кстати, сама в эти трое суток дома ночевала?
– Нет. Сессия, подруга...
– Или хоть заскакивала на минутку?
– Ну, таких мелочей...
– Мелочей не бывает...
Вась-вась знает по опыту: мелочей не бывает.
Допустим, жена расстаралась для мужа. Сессия-мессия, его не касается. Обед чтобы готовый был. Когда? Всегда! Дрязги – не ваше дело, сугубо семейное. Посторонним В.
Итак, расстаралась. Вкусно? Вкусно. Консьержка подтвердит.
Но! Представим. Уделив от чистого сердца долю малую (кстати, неглупо!), она, жена, всё блюдо целиком выставляет на подоконник в оранжерее. Солнечная сторона, парниковый эффект, форточку не открывать, флора капризна. Всё, теперь опять сессия-мессия. Двое суток и не ищите. В третьи сутки заскочить на миг за ерундой типа конспекта. И цветочки все напоить непременно! Да! И застоялое блюдо с остовом осетра в холодильник задвинуть. Обед чтоб готовый был. Когда? Всегда! Ну и вот... А ей снова бежать, сумасшедшие дни! Откройте секрет, как у вас получается всё успевать? Секрет очень прост: у меня не получается.

* * *

И грянул гром. И возвращается муж. Её – нет. Замки – новые. Кто бы как поступил на его месте?! После саранского фиаско с Бамбаем Цыжыповым. В общем, как поступил, так поступил. *Порог не переступишь*, да? Он к себе домой пришёл! А она решила, что её дом, да?! Развела тут джунгли, ботанический сад! Может, он всё и поливать должен?!

Ох. Тут чемпион чемпионов поступил не по-чемпионски. Прошлые тюльпаны прошлыми тюльпанами. Прошлые тюльпаны – только цветочки. Но тут – ягодки. Просто вызверился. Был ботанический сад – не будет ботанического сада. Месиво, крошево, слизь. Ломал, сминал, топтал. Теперь тут макивару поставит. И тренажёр.

Отпустило. Вдох-выдох. Пульс. Даже мелькнуло: что я наделал, что я наделал?!

Э! А что наделал?! Ничего! У себя дома он! А она, когда вернётся, пусть приберёт, пусть только пикнет! Обед пусть подаст! Обед есть в доме?! Он же её предупредил!

А! Осетрина, смотри на неё! Замок сменила – от мужа: *порог не переступишь!* А сама – осетрину?! Для кого?! И сама – где? Или ещё придёт?! Или ещё не одна придёт? Для кого готовила?! Ничего-ничего! Он только на него посмотрит. И на неё. Просто посмотрит. А пока...

Ел грубо, грязно, руками. Жрал. Вкуса не ощущал. Зверский насморк. Икнув, скудно сблеванул тут же, на стол. Вытирая об штаны. Ещё жрал. Ещё пил. Коньяк. Дагестанский, какой ещё! Запасы. Три ящика в подсобке, «Медный всадник», подарок побратимов.

Лёг не в спальне. В холле. Против входной двери. Чтобы когда войдут – сразу его увидели! Голый. Совсем. Жарко. Пусть видят! Он *у себя дома*.

Он, между прочим, *у себя дома* на нерве сейчас позвонит Светику (или Наташе?): приезжай! не на Богатырский! слушай адрес!.. Этих чирлидерш у него... И пусть жена застанет! Так, да? Застанет? Ах, ты с-с-с...

Из старинных романов: состояние его легче было представить себе, чем описать.

Адреналин. Белая ночь. Зудящий комар. Дал себе по морде – комара не достал. Утренний озноб. Вставать, одеваться. А то – как дурак...

Никто не пришёл. Тогда он сам пойдёт. Сегодня что, суббота? Сегодня же суббота! Он знает, куда пойдёт. Все свои... Голова кружится, тошнит немного, нос забит. Ночка сложная. Ну, ничего-ничего.

Иди-ка ты в баню, Даниялов. Она, баня – от всего...

* * *

Да. Получается, несчастный случай.

Экспертиза подтвердила: *Clostridium botulinum*. В ~~особо крупных размерах~~. С кем не бывает. По такой-то жаре. Blackout этот до кучи. И обоняние – ноль, зверский насморк. Так бы хоть учуял... Вот ведь как совпало всё.

Хоронили не по обычаю, не в тот же день. Экспертиза, то да сё. Здесь вам не там!

Вдова была черней ночи. Но держалась. Держалась хорошо. Лицо каменное. Нет, медальное. Нет... как сказать... отрешённое, потустороннее. Да не надо ничего говорить. Не сейчас, не здесь.

Тофа Авшаломовна быть не смогла. Телеграмму прислала, звонила. Ещё звонила. И ещё. Но не смогла.

Положите за нас цветы. Он был... тоже замечательный человек. И выдающийся спортсмен! И добрый товарищ! И любящий муж!

Подробности – не надо.

А, нет. Одна подробность. Ни букета, ни цветка. Ленты. Медали. Гирлянды. Ни цветка, ни листика, ни веточки.

Вдова сказала Шахману (добрый товарищ, прилетел, с ним ещё земляки – интеллигентные люди, инженеры, технологи):

– Шахман... Как-нибудь сделай, людям объясни, попроси... Цветов не надо, совсем. Так надо, поверь мне.

Поверил. Вдова...

Но людям как объяснить?

Но *попросил, объяснил*. Шахман. И ещё земляки, земляки.

И – ни цветочка, ни листика, ни веточки. Такая одна подробность.

Вдова потом всё-таки сказала. Потом, когда все уже отошли немножко:

– *Амин очень не любил цветы. Оч-чень не любил.*

И лицо у неё такое... как сказать...
Аминь, Амин.
И никто не узнает...

* * *

В этой стране стало страшно жить. Недавно случайно нашла в Интернете базу данных поиска людей <http://syim.com/baza>. И главное, сделали вроде как для поиска утерянных родственников. Но здесь вся информация о каждом из нас: переписки с друзьями, адреса, телефоны, место работы, и, что самое страшное, есть даже мои обнажённые фото (правда, не знаю откуда). В общем, испугалась очень. Но есть такая функция, как «скрыть данные». Воспользовалась и всем советую не медлить. Мало ли, что эти придурки могут сделать дальше!

Написал sd354wetsdg – 23: 16: 17

Глава 3

Нас всех в ту субботу предсказуемо выдернули. Разнарядка. Журфак. День открытых дверей. Меня выдернули, Макса, Костю Шария, Тараса. Чингиз сачканул. Физиогномика, увы. Третий курс журфака – не дети малые, но где-то дети. Азиатская рожа, проникновенно внушающая тет-а-тет про «благо страны», когда в анамнезе татаро-монголы... *Не верю!*

Бикмурзин, сегодня – свободен! Встань и иди! Да хоть в баню!

А вас, товарищи Евлогин, Багдашов, Заброда, Шарий, попрошу остаться.

Маленькое, но ответственное поручение. Извольте соответствовать. За штат никто ещё не выведен. Хотя настроение у всех дембельское, запасные аэродромы подготовлены. Кулон Кузьмы. Не сегодня завтра...

Вы мне это прекратите! Про завтра будет видно завтра. Сегодня же – день открытых дверей на журфаке. Васильевский остров, Кадетская (нет, тогда ещё Съездовская) линия. Пятница – исход сессии. Всех на волю, всех на волю! Славно поработали, славно отдохнём! Каникулы!

Ан – суббота. У деканата – объявление: все студенты третьего курса приглашаются. Ну, как приглашаются? Принудиловка по умолчанию. *Смотрины*. Весь верхний этаж отдан под. И – конвейер. Столики-столики-столики. За каждым – вроде полномочные представители. Новых изданий в ту пору (середина девяностых) народилось, как котят. Всяк хозяин норовит угадать с будущим рабом. Третий курс – очник созрел. Уже умеет, но ещё не избалован. Надо брать, на перспективу.

Запуск по десять-пятнадцать студентов. Собеседование. Нам нужны новые кадры, мы открылись, мы расширяемся. Чем увлекаетесь, что вам интересно? О чём мечтаете? Какими себя видите через несколько лет? Вот вам анкета. Спасибо, мы с вами свяжемся.

Следующие десять-пятнадцать. Следующие. Следующие. Весь курс.

Смотрим человеческий материал, оцениваем. Ассистент рядом с гипотетическим хозяином – не представляясь. Доброжелательный, умноглазый, молчаливый. Понятно, да? Если надо объяснять, то не надо объяснять. Кадры нужны, нужны кадры. Все анкетные данные – вот. Мы с вами свяжемся. А кто такие *мы* – разговор иной, потом, если захочешь.

Рутинная процедура. Весь курс, конечно, в коридорах не топчется, похохатывая. Да просто не поместятся. И курить на факультете запрещено категорически, даже в сортире, тем более в сортире.

* * *

Всей оравой – в Румянцевском садике, угол Университетской набережной, два шага до журфака. Спугнув здешних завсегдатаев-черносотенцев. Обсев скамейки у фонтана (да, фонтан ещё был, не демонтировали) перед обелиском «РУМЯНЦОВА ПОБЪДАМЪ». Тут сообща и дыми лошадиными дозами, гомони, фрондируй в голос:

– А там кто-нибудь из «Плейбоя» будет? Я бы завербовался.

– Ага, «Плейбой»! «Таймс»! «Шпигель»! Скажи спасибо, если тебя хоть «Смена» подберёт!

– «Смена» полный отстой! Не та уже!

– Так им и скажи, если спросят: ах, уйдите, противные! я не продаюсь!

– Все продаются!

– Смотря за сколько.

– Ну, твоя-то цена – пятачок за пучок. Если бы я «шпору» в среду не кинула, ты бы совсем!

- Я тебя тоже люблю и ценю. За «шпору» – вообще страстно!
- Вот кого с руками-ногами оторвут, это Лилиточку нашу! Со «шпорами», без шпор!
- С её руками-ногами – оторву-ут! Лиль, джин-тоник хлебнёшь?
- Нет.
- Обижа-аешь!
- Нет
- Тогда почему?
- Муж не разрешает.
- О! А кто у нас муж?
- Хочешь, познакомлю?
- Э-э, не-ет. Спасибо, нет.
- Знамо, кто у Данияловой муж! Пошутить нельзя?
- Нельзя!
- Ребяты, а про «Талисман» кто-нибудь что-нибудь слышал, знает?
- Да сдаётся мне, пока одни понты!
- Не скажи. Вроде у них всё по-взрослому.
- Поживём – увидим.
- Если доживём.
- Это – да!

Бодрячки на нервишках. Солнце всходит и заходит – кушать хочется всегда. Пристроиться бы! Хоть на договор! О том, чтобы в штат, мечтай до вручения диплома. В СМИ недоучек не привечают. На договор – куда ни шло. И пойдёшь – при всём уморительном фрондировании. Пойдё-о-ошь! Та же газетная практика, публикации – кровь из носу. Иначе – отчисление, жёстко. По-волчьи выть...

Забавно их всех слушать, если прислушаться. Костя Шарий с Тарасиком забавлялись тут же поодаль, на скамеечке. В шахматы играем, в шахматы. Ветерок освежает, травка зеленеет, бодрячки чирикают. Право, полезительней, чем в аудитории париться, как Аврумычу с Максом. На пальцах кинули – кому куда.

О! Вот и «отстрелявшиеся» студентики в Румянцевский со Съездовской потянулись разрозненно.

– Вторая смена! Вторая смена! Ещё человек десять запустят. Да не торопитесь, там они пока пытаются.

– А никто и не торопится! Очень надо!

Очень. Надо.

– Ну, как там? Как там?

– Да никак! Морды, как морды. Но улыбаются. Так надо понимать, мы им больше нужны, чем они нам.

Легко говорить, уже «отстрелявшись»!

– Но взяли? Предложили хоть?

– От «Плейбоя» там есть кто?!

– Да отзынь ты со своим «Плейбоем»! Задолбал! Не, без балды, как там?

– Вербуют помаленьку, вербуют.

Иносказательно «вербуют» или как? Или так. И так, и так. Вслух не произносится, но подразумевается. Не без лёгкой бравады: врёшь, не возмёшь! Боязливо. Сейчас не тридцать седьмой год, да! Ведь да? Ведь потом никак не отразится – на карьере, на бытовых заморочках, на всём... Ведь да? То есть... Ведь нет, не отразится?

Такие все бодрячки на нервишках.

* * *

– Можно?

– Нужно! Входите, присаживайтесь.

Просто как дети! На моськах написано: зна-аем, знае-ем ваши штучки!

Да какие ж такие штучки, молодёжь! Предлагаем поработать вместе. Престижно, высокооплачиваемо, *на благо Родине*. Что в этой триаде смущает? Престижно? Высокооплачиваемо? Или... *на благо Родине*? М? Ваше право в любой момент отказаться. Было бы предложено. Ведь не каждому предложено, только избранным. Нет желания стать избранным? Так и будешь день за днём гнать строку в каком-нибудь «Талисмане» за денежку, пока не испишешься? Да ради бога! Рано или поздно подсилят, и – по сокращению штатов. Однако если ты избранный, то какой-нибудь «Талисман» не уволит ни при каких условиях. Будет *дано понять*: такое условие! Своих не бросаем. А глаза добрые-добрые!

Вот самое то повториться! От природы отнюдь не дура. Настолько умна, что иной раз играет дуру просто виртуозно.

Самое то – в ту субботу, при собеседовании.

Она к Граничу («Талисман») попала. Гранич, как всякий начинающий импотент, из молодых да ранний, выпучил всё, что имел. Распавлинился до неприличия: перспективы, такие перспективы! Талисман – нечто магическое, приносит удачу и счастье владельцу одного. Золотая цепка на шее. Костюм за двести баксов, бывш. за три тыщи, с распродажи на Пятой авеню. «Роллекс»-China. Дорого, но дёшево. Понты.

Дамочка с кафедры промеж прилавировала: наша Лилечка – гордость курса! вы её ещё не знаете, вы её ещё узнаете!

Ассистент рядом с Граничем – только доброжелательность, только она!

А ведь округление бёдер твоих, как ожерелье, дело рук искусного художника; живот твой – круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твоё – ворох пшеницы, обставленный лилиями; два сосца твоих – как два козлёнка, двойни серны.

* * *

Да, позвонил потом. Выдержал недельку (согласно методичке), позвонил. Сказано: мы с вами свяжемся.

И – нежданно-негаданно! Гранич уже назавтра с ней связался, уже надавал кучу заданий, предложил кучу тем, уже зазвал на корпоратив. Юному дарованию просто необходимо влиться в молодой и дружный коллектив, а ещё у нас есть кофе и печеньки. Граничу методички неведомы. Дилетант хрёнов!

– Он такой ва-ажный! – вот почтение на грани презрения. – А вы кто?

– М-м. Евлогин. Виталий Аврумович. Просто Виталий. Я вместе с Граничем был на собеседовании с вами.

– Я вас помню. Вы мне запомнились.

– Чем?

– Ничем. Просто запомнились. От вас флюид был.

– Флюид?

– Характерный.

Ну, флюид и флюид. Глаза твои голубиные под кудрями твоими. Да, чего звоню-то...

– Да, а вы чего звоните?

– Мы же сказали: мы с вами свяжемся.

– Гранич ведь уже связался. Что-то изменилось? Что-то не так? Я ему сейчас полосу про грифонов-убийц – срочно в номер. Завтра сдача до девяти ноль-ноль.

– Всё так, всё так. Пишите, пишите. А вот как сдадите, предлагаю встретиться.

– В крематории? Прямо там?

– Н-нет.

– А где?! – Неподдельное недоумение. Где же, как не в крематории, прямо там?!

– М-м. Как насчёт совместного завтрака?

– Я не завтракаю. Вообще. Тем более, завтра.

– Тем более, завтра?

– Виталий Ар... мур...

– Виталий.

– Виталий, у меня завтра – девять дней.

– Девять дней?

– Девять дней, как умер муж.

– Ох!

Глуповатое «ох!» всё же уместней идиотского «чей?!»

Однако! Девять дней, как умер муж. Но про грифонов-убийц – вынь да положь – срочно в номер, до девяти ноль-ноль. Ранняя профессиональная деформация? Нет, формация. Достоинство уважения.

* * *

А, и к сведению! Прикопайся Вась-вась к подозреваемой Лилит Данияловой: где была? что делала? кто подтвердит? Заявлю хоть на Страшном суде: *в ту самую субботу* Лилит Даниялова от сих до сих пребывала на факультете журналистики, собеседовала, вербально и не вербально реагировала адекватно. А до того, в четверг-пятницу вне дома – сеанс академической булимии. Сленг. То есть всю ночь сообщая давясь поглощаешь знания, чтобы наутро вытошнить накопленное перед преподам и навсегда благополучно забыть. Организм чист! Экзамен сдан. Сначала один, потом второй: социология, потом экономика. Дурацкие дисциплины! Где журналистика и где социология с экономикой? Абсурд! Дважды «отл.» в зачётку – и забыть навсегда!

Могу призвать в свидетели того же Максима Багдашова. Он, Макс, через две парты от меня в аудитории ассистировал. Ему «Савва», что ли, попался в качестве нагрузки. То есть он – в нагрузку к «Савве».

Ещё флюидом с Максом обменялись, когда Лилька за наш с Граничем столик подсела.

Макс: о! какая в перспективе *ласточка*, старина! в перспективе!

Я: не-ет, старина, не *ласточка*! никак не в перспективе!

Перемигивания, жест, взгляд – киношная хрень для совсем бестолковых. Лишь флюид.

Не тот ли флюид Лилит Даниялова тогда уловила: она не *ласточка*!

* * *

Женищина пришла в хижину Кун-цзы и спросила, чем многожёнство отличается от многомужества.

Кун-цзы поставил перед женищиной пять чайников и пять чашек. Сказал:

– Наливай чай в пять чашек из одного чайника. Нравится?

– Нравится, – согласилась женищина.

– А теперь, наоборот, лей в одну чашку из пяти чайников. Нравится?

– О-о, ещё больше нравится! – призналась женищина.

– Дура! – громко огорчился Кун-цзы. – Такую притчу испортила!

* * *

Всем известное:

«Медовая ловушка» – термин. *Ласточка* (или *ворон*) используется разведками для разработки объекта – соблазнение, компрометация с целью вербовки в дальнейшем.

Не каждая (не каждый) сгодится на роль *ласточки* (или *ворона*). Ну, воронов пока в сторону. Мужчина урод уродом, а вдруг сердцеед. Вот Бельмондо... Примеры можно множить. Не нужно множить. Про воронов отдельный разговор. Не о них сейчас. О *ласточках*. Тут будьте добры, чтобы и красавицы, и умницы. И, да: будьте добры. То есть три неперемennых условия. Четыре! Оно, четвёртое: не забыться! всего лишь работа! См. где-то выше.

Четыре неперемennых условия. Поди соблюди.

Но! Не можешь – научим. Априори отмечаем: не хочешь – заставим. Иначе не *ласточка* получится, а чёрт-те что. И сбоку бантик.

Значит, во-первых – учиться, во-вторых – учиться, в-третьих – учиться. Чтобы *эта* наука не оставалась мёртвой буквой, чтобы входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом.

Вот! Составной элемент быта и настоящим образом!

Извольте, курсистки, на лекцию – нагишом. Да, совсем-совсем. Что непонятно? Шкафчики в коридорчике.

Затем переходим к водным процедурам. Да, к совместным водным процедурам, с мужчинами. Да, впервые вижу, но потрите спинку, пожалуйста. Теперь – не спинку. Теперь – он вам. И не спинку – тоже. Не дышите глубже, не волнуйтесь. Интимная техника – следующее занятие.

Вот оно. Прослушайте курс от содержательниц подотчётных борделей. Кто-то что-то не усвоил досконально?

Переходим к практике. Все в зал. Да, все. И одновременно. Разбираем наставников. Hardcore-sex? Он самый. Но не порно как таковое. Скорее урок анатомии. На спортивных матах. Вот, во-от! Ласковой! Не сжимай сильно, мы этого не любим. Умничка. Теперь покажи язык. Теперь... Глубже, интенсивней. Ещё, ещё! Смелей, смелей! Да подавись ты! Во-от!.. Всё при всех и при участии остальных.

Век живи, век учись. Ну, век – не век...

(Прим. По итогам *разрядка* у курсисток и у наставников крайне редка. Ещё не хватало, чтобы обоюдно. И это правильно. Не за тем упражнялись!)

Помимо «клубнички» – навыки самообороны, этикет, основы психологии.

Да, ещё! М-м, экзотика. Микрофон иной раз крепится в накладном соске. А таблетка-батарейка – непосредственно в... лоне, типа спиральки. Звуки му, муки зву... Экзотика? В плоть и кровь, в плоть и кровь!

И вот тогда только – *ласточка*. Пригодная к применению.

Ничего личного. Истинно, истинно говорю вам: лишь пройдя подобный курс, рождается *ласточка*. Верьте мне, люди! (Поверили?)

А что такого сказал?! Только всем известное, не так ли?

Всем известное – известно не всем. Ну, теперь – в курсе.

И доподлинно: Лилит Даниялова – никак не *ласточка*, ни в какой перспективе. Патамушта!

* * *

Анкету на *смотринах* – заполняйте, заполняйте. Ассистент боковым зрением: Даниялова. Не самая *питерская* фамилия. Плюс Лилит. Ах, вот ты кто, вот ты какая!

Ведь и раньше могли пересечься, чисто визуально. Когда на «мини-купере» мужа подбирала-подхватывала от Казачьих бань. Но *Аврумыч* с *Максом* несколько позже в избранную компанию попали, когда чета Данияловых переехала с Богатырского на Загородный, «над слоником». Всего-то ходьбы. Сиди дома, не гуляй сам приду.

То есть заочно уже вроде кое-что. Амин. У него жена, Лиля. Краем уха: «А я своей говорю: Лиля, лучше молчи! Говорит: молчу. Я ей говорю: *лучше* молчи!» Суровый горец. Реплику – в расслабленный трёп (о чём говорят мужчины, о чём ещё говорят мужчины?). И достаточно. Самоутверждение при шаткости.

Насчёт шаткости. Муж всегда узнаёт последним. Но перманентная ревность – да. Горец! Потому и то самое провокационное в квартале красных фонарей: «Тебя бы туда, на их место – как чувствуешь?» Так слегка, умозрительно. Всерьёз и не мысля о том, что жена в самом деле позволит себе. Не самоубийца же! Знал бы – убил! И её, и всех – при живом-то муже, горце! Да, он месяцами в отсутствии. Сборы, турниры. А она? Что за вопрос! Учится, читает книжки, телевизор смотрит, ждёт не дожётся. О! Звонок! Он! Ты! Наконец-то! Я так ждала, так ждала! Пойдём, пойдём! Погоди, хоть в душ сначала! Потом, всё потом! Искучался? Искучалась? А я-то! А я-то! Но душ... Давай в душе! Сумасшедший! Сумасшедшая! В душе и в душе.

И охотник вернулся с холмов. Только вернувшись к ночи домой изаглянув в знакомую комнату, найдёшь Любовь или Смерть, ожидающую тебя у очага; и самые прекрасные приключения – это не те, которые мы ищем.

Стивенсон. Роберт Льюис. Красиво. Называется «Реквием». Реквием!

Чужая душа. Потёмки.

Спрашивается, чего ей не хватало?! Какого хрена?!

Именно. *Какого* хрена? Pardonne moi за буквализм.

Нет, он хорош был, хорош! Даже избыточно хорош. Разве что монотонен, однообразен.

Опять ты мне эту икру поставила! Не могу я её, проклятую, каждый день есть!

– Другие, значит, могут, а тебя с души воротит?

– Секундочку! Какие – другие? Нет, говори, если начал.

– А не твоё кошачье дело!

Тоже верно. Мужчина полигамен. И не всяким моногамным требовать отчёта.

– М-м... моногамным? Уверен, мужчина?

– То есть?!

– Просто спросила.

– Нет, говори, если начала!

– Я? Начала? Вообще молчала. Всё лучше и лучше молчала. Закрывая глаза.

– На что?!

– Тебе видней.

– Что видней?! Что?!

– На что я закрываю глаза.

Вот и поговори с ней, с ними!

Апофеоз:

– И всё-таки! Зачем ты это сделала?

– Что из того, что я сделала, зачем?

Занавес.

Диалог виртуален. Или? Такой диалог состоялся – у Лилит с Амином?

Н-нет. При всём богатом воображении. Знал бы – убил! До последнего ласкал своё самолюбие горца: она не самоубийца же!

До последнего. Покушал осетринки. Ждала, готовилась. Кто виноват, что так получилось? Сама себя корит. И корит, и корит, и корит.

* * *

Потом случаем разговорились мы с ней.

Ну, как разговорились? Манипулятивные технологии. Агональная риторика.

Сейчас будет немножко сложно. Ленивый, пропусти:

Объект управляем через определённый речевой поток, вроде бы непринуждённый. Встраивание в сознание собеседника и подчинение с помощью слова. Наряду с реальными мотивами – квазиреальные мотивы. Внедрённые в сознание, действуют как реальные. К таковым относятся голод, жажда, усталость. Но не только. Внедрение квазимотива создает агональное поле. При работе с малыми аудиториями надо знать, куда внедрять квазимотив. Для больших аудиторий его нужно создавать. Принцип доминанты: человек слышит не то, что ему говорят, а то, что хочет слышать. Противоречащее квазимотиву отфильтровывается, пропускается только то, что его поддерживает.

Доступно? См. предупреждение: сейчас будет немножко сложно. См.: ленивый, пропусти. Дотошному: см. методички. Если допустят. Строго ДСП!

Типичная проблема агональной риторики: нельзя лгать, нельзя говорить правду, нельзя прекращать говорить. Три в одном!

И? Как быть?

Просто! (На практике очень непросто.) Затеять беседу, начать вещать о чём-то *сакральном*. Только не про Корсунь как центр всех цивилизаций! Ни в коем случае! Априори держишь слушателя за идиота – априори сам идиот или (мягче) дилетант. Любое *сакральное*, только не высосанная из пальца (?) исконная Корсунь! Любое другое!

Вот хотя бы семейные ценности! *Сакрально* по самые незапамятные! Ныне, присно, а там видно будет. *Жена да прилепится к мужу своему.*

Тема не хуже любой другой. Но не совсем деликатная, не совсем ко времени. Была молодая жена, теперь молодая вдова. Берeditь, расчёсывать: *прилепится, прилепится!*

Ну, почему же! Весьма обширный список в утешение молодой вдове. Семейные ценности – овеществлённые. Хоромы с эркером «над слоником». «Двушка» на Богатырском. Фазенда на двенадцати сотках под Гатчиной. БМВ. Счёт в банке – полгода подождать-то. Наследница. Иных нет...

Богато. В чисто английских детективах ради подобного наследства за это убивают сразу, даже днём!

Вась-вась, когда *рыл до воды*, так и сак примеривал. Нужного размерчика не нашлось.

После убийства компетентные органы первым делом выясняют, причастен ли к преступлению супруг жертвы. Собственно, это всё, что нужно знать о браке.

Почему сие вошло в дюжину лучших анекдотов года? Почему – анекдотов?

Просто повезло ей. Дважды. Наследство – раз. Уцелела сама – два.

Муж – суровый горец. Знал бы – убил. «Зарэжу, зараза!» – дурная экзотика. Чемпион чемпионов, профи. Хрусть – и пополам. Кашпо в оранжерее переставляла, уронила, споткнулась, поскользнулась, схватилась. Все горшки на неё и посыпались. Видите (фото из дел № 5, 6, 7, 8), какой кавардак! Душераздирающее зрелище! Муж в шоке. Сразу после бани. Пришёл, увидел и – в шоке. Линия защиты вполне. Адвокаты попыхтят, боссы от большого спорта занесут. Глядь – условно...

К слову, насчёт *чисто английского*! Случись развод в Англии, так и так владеть бы ей всем имуществом, всем! Закон – *dura*! Одно «если», только одно! Если докажет, что первым изменил муж. Пусть оба в браке вели себя небезупречно. Чур, ты первый! Запятнала, запятнала! Чарлик попался!

Ну-ну. И чем кончилось для неё? Помним, любим, скорбим.

Тут, конечно, не Англия. Но: знал бы – убил! С иной мотивацией, чем *английская-конспирологическая*, но – убил бы.

По самому краю прошла. Ведь узнал. Почти.

А что она сделала? Что такого? Что из того, что она сделала, зачем?

Тоже верно! Всего лишь *уравнялась*.

Горцы, видите ли! Женщина, где твоя паранджа?! А сами – штаны на голую жопу, игнор трусов из принципа! Что за принцип?! Нет, проветривают своё хозяйство – на здоровье! Хотя какая-то гигиена, санитария. Но жён-то гнобить?! Обычай, видите ли, предков! Покорно сноси, раз *прилепилась*.

Не-е-ет уж!

* * *

– Вот, Виталь, ты сказал: семейные ценности...

В креслах. Кортаем. Ещё бокальчик? А и не откажусь! Продолжаем разговор. Наука умеет много гитик. Агональная риторика есть наука. Главное – начать. Потом – углубить.

– Или ты меня не слушаешь?

– Весь внимание! Нет, не отвлекаюсь. Предельно заинтересован.

– Вот ты сказал: супружеская верность. Для тебя это *сакрально*, да?

– Ещё б!

– Не ври! Откуда тебе знать! Ты же закоренелый...

– Книжки читал, книжки.

– Опять не ври!

– Что, не читал?!

– Читал-читал, верю. Иначе б тут не сидел.

– Так! Я встал и пошёл! Отсюда!

– Валяй дурака, валяй. Но не здесь, будь добр. У себя *там* – ради бога. Здесь – не надо. Сиди, говорун. На чём я остановилась? Ах, да! В книжках – с точностью до наоборот. Не будь измены как интриги, не было бы книжек, львиной доли книжек. Согласен?

Согласен. И?

* * *

Ну, слушай!

Значит, мужская измена: раз плюнуть! а чо?! Полигамен. Тогда как женская измена: спаси-сохрани, убью гадину! Моногамна. Кто сказал, кто? Ах, учёные? Те самые загадочные *британские учёные*, которые постоянно *утверждают*? Спасибо, не надо *британских учёных*.

– Теперь представь... М-м, тебе, Виталь, цензурно или нецензурно?

– М-м, цензурно, чтобы нецензурно угадывалось.

– Дай мне подумать, пару минут.

– Даю. Ещё бокальчик?

– А то!

– Время истекло!

– Зануда! Хорошо, как тебе древние китайцы?

- В бесконечном восторге от них. Сунь-вынь, сунь-вынь!
- Поручик! Фу!
- Майор же.
- Майор-о-ор, фу!
- Виноват!
- Да уж!
- Лиль, не тяни. Давай, на худой конец, тогда хоть в манере твоей колоноки в «Секс и!»,

что ли.

- Скажешь тоже! Там – баловство, а тут – философия.
- О как!
- Ото так!..

И уже сговорились на древних китайцах. Значит, Инь-Ян.

Инь – *цветок лотоса* (то же *пещера божественного лотоса*).

Ян – *нефритовый стержень* (то же *могучий воин*).

То и дело пребывает *могучий воин* в своей *пещерке божественной*, живёт он так. К обоюдному удовольствию. Но вдруг! Занесло в гости, в другую пещерку. Сам не понимает, каким образом. Обильное возлияние, неявный (явный!) зов, отказать неудобно. Вкусил. Отдал должное. Но – почти за полночь. Домой-домой! Жаль. Увидимся? А как же! Созвонимся. Всё было великолепно, никогда так не было! Но – домой! Обои отклеиваются, кран подтекает, ремонт пора. Тем не менее домой!.. Какие угрызения, какая вина?! Теперь и в гости не сходить? Вернулся даже не за полночь! Ну, за полночь. Но не под утро! Под утро? Мосты, мосты. Вернулся, главное! Никто сюда не заходил? Во-о-от, а тут я, *могучий воин*. Только сначала бай-бай, а потом... Спи, моя радость, усни.

Другое дело (совсем другое!), когда и если *могучий воин* усталый-но- довольный возвращается в свою (в свою!) *пещеру божественного лотоса* и обнаруживает: здесь был вор! Был, был! Всё перевернул, в каждом уголке пошарил, ещё липкую лужу посреди гостиной оставил. Такой смачный плевок в душу! Такая бессильная свирепость! И такое омерзение, такое! Всё! Дверью хлоп и – никогда больше в тот дом, бывший твой!

– Похоже?

– Ну... да. Типичный Ян.

– Угу. А теперь – с другой стороны. Со стороны Инь. Вот я – Инь.

Моя *божественная пещерка* – она моя! Мой дом! Кого хочу, того пускаю. Ты, *могучий воин*, что-то зачастил по гостям? Твоё право. Ну а я люблю гостей принимать. И не всякого приму. Только того, кто меня радует и сам рад. Бескорыстно. Моё право. Никакого расчёта, просто всем им в моём доме хорошо. Ах, ещё и *всем им*?! Да! *Всем им*! Со счёта не сбилась. Просто не считала!.. И начхать на драные обои, текущий кран, запустение.

В доме-то всё большее запустение, когда хозяин... не сказать реже стал, но какой-то не такой стал. *Могучий воин* по-прежнему, но после каких-то уже битв, одержанных побед. Юрк – в СВОЮ *пещеру божественного лотоса*. Что могучий, то могучий. И – мнительный: кто тут был, пока меня не было, кто?! Какое твоё дело! Спи давай. Не строй из себя. Тем более из меня. Дрыхни.

– И как тебе такое, Виталь?

– Ну, Инь, да. Но, м-м, нетипичная. Отчасти.

– От какой именно части?

– Право, теряюсь.

– То есть всякая Инь для тебя – трёх разновидностей, не более. Смиренно верная. Холодно продажная. И неуёмно жаждущая. Иначе и проще говоря: жена, путана, Ъ. Четвёртого не дано. Хочешь поговорить об этом?

– Только поговорить?

- Виталь! Ви-та-лик! Не порть вечер, хер майор.
- Нет, я не прочь ещё поговорить, если иного не дано.
- Иного не дано. И не будет дано. И never say never³ – не-а!
- Я безутешен!
- Вот умничка!

* * *

- Поговорили, называется. О *сакральном*.
- Ещё бокальчик налей?
 - Сомлещь.
 - Не дождётесь! Шампусик меня только бодрит. Организм так удачно устроен. Сегодня ещё творить и творить. Граничу завтра до девяти ноль-ноль – сфинксов зомбирующих вынь да положь.
 - Сфинксов?
 - Даже не вникай! Я не брежу. Прочтёшь потом. Если захочешь. В «Талисмане». Сначала эту муру надо сотворить.
 - Ночь, гм. Глубокая.
 - Когда творить, если не ночью? Никто не мешает...
 - О-о, потягушечки! Просто выше сил! В ванную?
 - Ступай, Виталь, ступай. Не в ванную! Вниз, к себе, на пост. Не умножай сущностей. Храни меня, мой талисман.
 - Храню. Охраняю. На страже. Ночной портье, Ъ!
 - Талисман, значит? Нечто магическое, приносит удачу и счастье владельцу оно.

* * *

Способна. Что есть, то есть. На многое.
На зомби-сфинксов.
На грифонов-стражей.
На барсов-лизунов.
На (ближе к теме, ближе!) откровения в глянце «Секс и!» (Sexy!).
Всё так.
Но никак не *ласточка*, никак.
Ибо ключевое: «...не всякого приму. Только того, кто меня радует и сам рад».
Вот оно, вот оно.
Засим: в качестве классической *ласточки*

³ never say never (англ.) – Никогда не говори никогда. (Примеч ред.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.